

Протоиерей Андрей Ткачев

Проповедь о проповеди

Протоиерей Андрей Ткачев

Проповедь о проповеди

*Издательство
Сретенского монастыря
Москва, 2015*

УДК 271.22(470+571)-28

ББК 86.372.24-43

Т 48

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 15-501-0039*

Протоиерей Андрей Ткачев

Т 48 Проповедь о проповеди. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2015. — 112 с., ил.

ISBN 978-5-7533-0958-7

Молчащее христианство — это не христианство. Господь, которого мы именуем Спасителем, есть Бог Слово. Следовательно, бессловесного христианства не существует в природе. Между тем эта очевидная истина далеко не всем понятна. Наличие храмов, колокольного звона, всенародных праздников и религиозных обрядов многим кажется достаточным. Это не так. Живая жизнь требует живого слова и кому еще это слово говорить, как не священнику, видящему перед собой в храме Божий народ, собравшийся на литургию. Размышления на эту тему родили тексты, предложенные читателю в этой книге.

УДК 271.22(470+571)-28

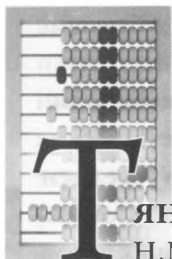
ББК 86.372.24-43

ISBN 978-5-7533-0958-7

© Сретенский монастырь, 2015

© Ткачев А., протоиерей, 2015

АРИФМЕТИКА

ТЯНЕТ меня к простым расчетам. Вот Н.М.Карамзин, открывший историю Отечества, словно материк неведомый, провел в чтении и писании тридцать (!) лет. Восемьсот лет исторического пути государства он пропускал через себя три десятилетия. Результат — восемь томов литературно изложенных знаний. Пушкин, в сильной болезни не покидая постели, за две недели не прочел, а «проглотил» этот восьмитомный труд. Проглотил и переварил эти насыщенные событиями восемь столетий.

Меня всегда интересовало это соотношение жизни, ее понимания, писания книг о понятном и усвоение написанного читателями. В данном случае арифметика проста: восемьсот лет истории, тридцать лет труда, две недели внимательного

чтения. Но меня, как священника, интересует проповедь и арифметика, связанная с нею.

Сегодня очень нужна проповедь. Не какая-нибудь, а качественная, сильная, честная и глубокая. Тихим шагом идем в семинарские аудитории, туда, где воспитываются и образуются будущие пастыри.

Арифметика проста. Предположим, один учебный день состоит из четырех академических часов по сорок пять минут каждый. Это усредненный вариант. Берем пять дней в неделю, опять-таки уменьшая общее количество учебных часов. Итого в неделю двадцать учебных часов: догматика, история, устав, гомилетика, пастырская психология и пр. В месяц получается восемьдесят часов. Это минимум. Берем далее год и вычитаем три месяца (что, конечно же, роскошь) каникул. Девять умножаем на восемьдесят, получаем семьсот двадцать академических часов пастырского обучения и приобретения полезных знаний.

Это — год, в котором есть неучтенные часы самоподготовки, личного общения, размышления, молитв, богослужебной практики, воскресных богослужений с обязательной проповедью. Какие пастыри должны выходить из такой спецназовской по плотности подготовки! Теперь год

(семьсот двадцать часов) умножаем на четыре года обучения, получаем как минимум две тысячи восемьсот восемьдесят часов.

Сократим их ради удобства и оставим только две тысячи пятьсот. Ведь семинарист может заболеть, куда-то отъехать, наконец, может проспять пару и пр., но все равно цифра внушительна. Запомним ее — две тысячи пятьсот часов, наполненных полезными знаниями. Их преподают ради усвоения знаний слушателями с последующей передачей этих знаний пастве. И вот мы приближаемся к выводу. А он таков, что не все знания, полученные за две тысячи пятьсот часов занятий, будут отданы другим: одно забудется, другое не усвоится. Тогда общую сумму разделим на три и получится, что передавать свои знания в виде проповедей вы должны восемьсот часов.

Много это или мало? Если произносить их только по воскресеньям в течение получаса или по те же сорок пять минут академического часа, то за месяц вы скажете четыре часа проповедей в чистом временном измерении, не касаясь качества. Четыре (!) в месяц и сорок восемь в год. Примерно семнадцать лет (!) вам придется отдавать то, чему вас пытались научить, накормить, напичкать всего лишь за четыре года обучения в семинарии.

Время неумолимо берет свое, вы устанете, постареете, обрастете проблемами быта и семьи, озлобитесь, успеете нагрешить. Но чтобы хотя бы за десять лет отдать пастве полученные знания, нам всем нужно проповедовать в четыре-пять раз больше, чем мы это обычно делаем.

Вывод: либо нас плохо учат, либо мы плохо учимся, либо одно и другое вместе. А может, мы идем в пастыри не для того, чтобы становиться пастырями? В любом случае налицо несоответствие полученного и отданного. Гора, как говорили древние римляне, рождает мышь. Человек прочитывает сотню книг, а из сказанного им за жизнь нельзя составить и тощей брошюры. Человека учат, учат, а он с легкостью все забывает, что влетело в одно ухо, вылетает в другое, лишь только он покидает коридоры своей *alma mater*.

Но ведь мы получаем знания не только для себя. Никто так знания не получает: ни врач, ни инженер, ни летчик. Знания получают, чтобы их отдавать. Тогда это правильная жизнь. Съесть и не переварить — это смерть от несварения желудка.

Вот та арифметика, которая с недавних пор меня интересует. Сколько нужно проповедовать и как, чтобы оправдать свое длительное пребывание за семинарской партой и получение уникаль-

ного и интегрального образования? Сколько недополучает наша паства по причинам, указанным и подразумеваемым? Какие еkkлесиологические проблемы рождаются от сей молчаливой лени или от формального образования?

Пока ответа нет. Есть только цифры, упрямо выстраивающиеся на бумаге и даже в сильно урезанном и сокращенном виде сильно вопиющие к небу, словно кровь Авеля.

БЫТЬ СВЯЩЕННИКУ В ШКОЛЕ

БЫТЬ священнику в школе, не быть ему там? That is the question.

Для начала нужно спросить самого священника: он хочет ходить в школу для работы, для бесед с учениками или это ему нужно, как собаке пятая нога? Всегда довольно людей, готовых сказать: нас не зовут — мы и не движемся, нас не пускают — так тому и быть.

У детей нужды в священнике не может быть по определению. Вся школьная система воспринимается ими как аппарат насилия над счастьем детства. Чтобы понять, насколько эти мысли неверны, нужно повзрослеть. Польза от священника в школе может быть осознана самими учениками лишь со временем. Поначалу нужду в священнике ощущают взрослые.

Взрослые видят сатанеющий на глазах мир. Если они и не все понимают, то непременно чувствуют, что надо укреплять берега. Иначе скоро всех смоеет. Вот они и просят прийти к ним в классы, поговорить по душам, наставить, разъяснить. Просят те, кто сам нашел дорогу к храму и ощутил, насколько спасительно и очистительно действие Бога на измученную душу. И те преподаватели, кто этого не пережил, священника в школу звать будут вряд ли. А те, кто пережил, будут звать, но не всякого.

* * *

Мы уже довольно сказали, чтобы изобразить сказанное графически.

Рисуем мысленно равнобедренный треугольник с высокой и острой вершиной. Эдакую фигуру, похожую на острый небоскреб. Углы сторон при основании чуть меньше, чем 90° .

Основание треугольника — это фундамент, это тезис о необходимости присутствия священника в школе. Но, как мы ранее сказали, дети нужду в священнике еще не ощущают. Ощущают те взрослые, которые «вкусили и видели, яко благ Господь».

Отступаем несколько от основания вверх и проводим черту, параллельную основанию.

Треугольник становится «острее» и уменьшается в размерах, словно усаживается. Часть священников отсеялась.

Горькая правда в том, что не всякого священника позовут. Смиренный наш народ любит всех пастырей, но, обладая здравым смыслом и начатками умения анализировать ситуацию, в разведку хочет ходить не с каждым.

Надо уменьшить уже и без того уменьшенный треугольник. Отступаем от нового основания вверх и проводим новую черту. Точно так же уменьшается в размерах возносящаяся в небо ракета. Она отбрасывает отработанные ступени.

Из тех, кого позовут, не все пойдут. Вот вам и новая причина для сокращения треугольника в размерах.

Есть требы, и здесь активность понятна всем. А есть апостольский труд, когда «красны ноги благовествующих мир», но эта деятельность не всем понятна. Многие в ответ на просьбу прийти ответят, что недосуг, что забот полон рот, что сами, мол, пусть в храм приходят, и т.д. Пришла пора опять сокращать размеры нарисованного нами треугольника.

Но и те, что согласились, попадают в иную сферу. Ведь в школе с детьми нельзя разговаривать так, как священник привык говорить с прихожа-

нами. Там нужно объяснять азы, нужно прислушиваться, нельзя командовать. К этой специфике, опять же, готовы не все.

В своем постоянном урезывании наш треугольник стремится к вершине и может стать одной лишь точкой. От изначально большой геометрической фигуры он умалется до размеров геометрической аксиомы. И снова впору задавать схоластический вопрос: «Сколько ангелов может уместиться на конце иглы?» Этот вопрос несправедливо осмеян. Но в нем — бездна смысла: и бытового, и умозрительного.

Мне хочется сказать несколько слов тем «ангелам», которые уместились на конце иглы, т.е. тем священникам, которые все-таки пойдут в школу и будут там трудиться.

Они пойдут в классы не только для того, чтобы читать катехизис.

Священникам нужно научиться простым языком говорить с детьми о непростой жизни. Что они расскажут им?

Они расскажут о том, что если ты стал посвященным в чужую тайну, то Боже тебя упаси разболтать эту тайну кому бы то ни было.

Они расскажут о том, что слабых обижать нельзя. Это не красит человека. И смеяться над

увечьями и недостатками других людей нельзя. Неровен час, и ты в наказание станешь калекой и придется тебе увидеть свои прежние ушмешки на чужих устах. Подумай об этом заранее.

Расскажут о том, что завтрак, принесенный в школу, нужно делить с другом на перемене. И что нельзя есть втихаря и в одиночку.

Расскажут о том, что все, чем мы пользуемся сегодня, есть плод труда других людей. Свет в лампочке, пиджак на плечах, цветы на клумбе — все стоит усилий, денег и пота. А значит, нам нужно беречь чужой труд и испытывать чувство благодарности. Много таких тем, ох много!

Символ веры можно объяснить потом, чуть позже можно завести с детьми речь о молитве. Для начала нужно будет убедить их сердца в том, что учат их не сверху вниз, а лицом к лицу. И говорят с ними не умозрительно, на что многие просто по возрасту еще не способны, а о самой жизни, о ее гуще, где растворены и смешаны вопросы этики и эстетики, совести и традиции.

Об этом, мнится мне, должны говорить с детьми те «последние из могикан», которых

позвали и которые согласились прийти в школу и общаться с нашим будущим в лице детей, сидящих за партами.

* * *

Некто (один из руководителей советского государства середины прошлого столетия) однажды похвалялся показать последнего попа по телевизору. Думал устроить шоу — явить миру «динозавра» с бородой и в рясе. Но вот *«погибе память его с шумом»*.

Впору последнего атеиста по телевизору показывать.

Это я к тому, что попам в школе быть! Как бы кто ни дергался и ни извивался.

Только не всем попам там быть, и это тоже хорошо. Это даже естественно.

А тем, которым быть, нужно заранее готовиться к тому, чтобы стать детям не ментором, а старшим другом. Быть честным человеком, пришедшим от сердца к сердцу передать крупинцы смысла жизни и своего опыта. И не столько лекции нужно читать, сколько разговаривать с детьми о сложной человеческой жизни, разговаривать с состраданием человека, имеющего в силу возраста большой опыт.

Проповедь о проповеди

Если будет так, то и все остальное приложится. И неважно, что изначальный наш треугольник уменьшился до одной лишь вершины, похожей на точку. На этой точке, на этом кончике иглы, не тесно будет многим и многим ангелам, каждый из которых способен совершить работу великую и неоценимую.

КОМУ НУЖНА И НУЖНА ЛИ ПРОПОВЕДЬ?

ЧЕЛОВЕКУ горько отдавать все силы служению какому-либо общественному делу, если это никому не нужно. Например, ведет человек в школе драмкружок. А это не нужно ни детям, ни родителям, ни дирекции. В отчаяние можно впасть. Точно так же и священник может измучиться сердцем, если его проповедь не нужна никому. Как-то мы с братьями и сослужителями взялись обсуждать тему: кому наши проповеди нужны?

Я, убогий, так мыслю. С одной стороны, всем нужны. А с другой — никому. Как же это так, спросите? И не увиливаю ли я от ответа? Ничуть не увиливаю. Некоторые проповеди никому не нужны, а некоторые всем нужны. Смотря как проповедовать.

Прп. Серафим Саровский говорил: «Когда надо — не премолчи, а когда надо — не возопий».

Но вот когда и что надо — тут разум от Бога нужен. Так же и с проповедью.

Люди живут в субкультурах. Студенты не понимают бизнесменов. А бизнесмены забыли, что такое жизнь студенческая. Старые не понимают молодых, а молодые и подавно не понимают старых. Каждый в своем соку томится на медленном огне и не то что полюбить ближнего, как себя самого, а и понять ближнего не может. А священник должен всех понимать. Обязан. Понимать богатых и бедных, бездетных и многодетных, образованных и не очень. Для этого ему стоит и в маршрутках потолкаться, и в очередях постоять, и на исповеди внимательно слушать, и книжки хорошие читать.

Священник должен вынуть из себя сердце и сказать людям: «Возьмите. А мне ваши сердца дайте. Мы сердце к сердцу приложим, чтоб они теплом, как ладони при рукопожатии, обменялись. А теперь я говорить буду».

Признак хорошей проповеди — это когда человек-слушатель потом подходит и спрашивает: «Откуда вы про меня все знаете? Вы ведь же на мои вопросы сегодня ответили».

Признак хорошей проповеди — это когда священник сам на суде им же произносимых слов стоит и удивляется: откуда это слово на языке моем?

Кому нужна и нужна ли проповедь?

Свойство хорошей проповеди — говорить не кому-то сверху вниз, а себе, как человеку подсудному.

Говорить что-нибудь не надо, и если уж что-нибудь, то лучше ничего. А если не что-нибудь, то готовиться нужно постоянно. Думать, запоминать, записывать. Спрашивать себя: «Что людям полезно? Что им нужно узнать, услышать?» Нужно перечитать много чужих проповедей, как с цветков собирая с них пыльцу для собственного нектара. Если проповеди и поучения эти в давние времена составлены, их нужно переводить «с русского на русский». Т.е. нужно перелагать их на более понятный, современный язык, избегая тяжких оборотов, сложных слов и непонятных примеров. Не нужно бояться плагиата. Чистый плагиат в этом деле отсутствует. Ведь если два человека одно и то же рассказывают, то получается у них в результате не одно и то же, а нечто совершенно разное. Иногда — до неузнаваемости.

Просто проповедь — это необходимый вид служения. Оно так и называется — служение слова. И люди благодарны таким служителям. Они, хоть и не все читали, но все сердцем понимают сказанное: «Наставляемый — делись всяким добром с наставляющим». И что значит телесное, если тебе отсыпали без зависти полную меру духовного?

Служение слова говорит о небезразличии. Сегодня говорят много и многие, но всем на всех наплевать. Говорит реклама, чтобы понудить человека товар купить или услугу. Говорят политики, но об этом мы промолчим. Надоело. Говорят комики и эстрадные артисты, чтобы отвлечь, рассмешить и на смехе заработать. Нам ли молчать в этом говорливом мире, где все всё проповедуют, только не Христа?

Если ты говоришь мне о чем-то важном, то, значит, переживаешь обо мне, любишь меня. Это до слез трогательно само по себе. Значит, ты знаешь что-то, чего я не знаю. И даже если я с тобой не согласен, я буду разбужен, заинтересован, начну искать, советоваться, спрашивать. Это — тоже хороший плод проповеди. Ведь худший вид сна — это сон разума. Он плодит чудовищ.

Нет ничего простого, в чем бы не затаилось сложное. И нет ничего сложного, о чем бы нельзя было сказать простыми словами. Не надо бояться ни простоты, ни сложности. Надо бояться лени и безразличия. Еще: не нужно думать, что народ в массе своей что-то простое уже знает, а теперь ему нужно какие-то сложности выискивать. Не надо ничего выискивать, потому что народ в своей массе ничего не знает. Это печально, но это жесткий факт.

Кому нужна и нужна ли проповедь?

Правильное слово, сказанное вовремя, меняет жизнь. Люди уже никогда не вернутся в то состояние, в каком были до слышания слова. Они непременно изменятся. И если мы не меняемся, то в значительной степени потому, что мы молчим.

Идеальное слово творит действие тройное. Оно информирует, сообщает нечто. Потом оно улаживать должно, как свирель пастырская. И оно направляет, сдвигает с места, указывает направление для усилий. По-латыни это: *docere, delectare, movere*. Познакомь, улади, утешь и сдвинь человека с места. Вот — проповедь.

Можно ли так говорить не учась? Сами рассудите, что можно вообще делать не учась? Только людей смешить. Учиться же нужно все время, да и ошибок не бояться. Без ошибок роста нет. Нужно звать к себе на приходы собратьев, чтобы они со свежим словом обратились к людям. К нам ведь привыкают наши прихожане, ухо у людей «замыливается». А новый человек по-новому будет выслушан. И не надо стыдиться, или завидовать, или бояться. Не украдут у тебя паству, только умножат. Тот, кто боится и завидует, тот именно так и не научается проповедовать.

Проповедь — дело Божие, как умножение хлебов. Там было только две рыбки и пять хлебов. Так бы и остались эти продукты в том же количестве,

если бы не поднесли их Христу. Он благословил, стал ломать и давать ученикам, а те — народу. Откуда что взялось, и все наелись. Так и мы. Удержим в себе свои знания, останутся они мертвыми, нерозданными и бесполезными. А если поднесем их Христу, то Он благословит и они умножатся. Знания умножаются только в том случае, если их раздавать. Как и деньги умножаются только если их пускать в оборот.

С книжкой заснуть, с книжкой проснуться. Не стыдиться ошибки признать и слушать тех, кто умнее. А еще пробовать, пробовать. Оттуда придет победа.

Так что проповедь, если подлинная, то всем нужна. Ее польза еще тем вскоре докажется, что враг голову поднимет. Начнутся пересуды, осуждения, подозрения. Короче, змей зашипит и молчать не сможет. Но змея бояться — значит, хиротонию не принимать. Бог защитит! Аминь! Он для того нас, священников, на свете и держит. В книге пророка Исаии сказано: *О, вы, напоминающие о Господе! не умолкайте...* (Ис 62, 6).

Вот поговорили мы с братьями и сослужителями, утешились общей верой, ободрились на труды и единогласно решили, что и учиться, и говорить мы будем. Проповедь наша очень нужна.

КТО ВНУШИЛ НАМ МОЛЧАТЬ О САМОМ ГЛАВНОМ?

ПОЧЕМУ в информационных передачах обязательно нужно говорить о спорте, о погоде, о новостях с мировых рынков, но никогда ни слова о том, что всем нам нужно будет умереть и предстать перед Богом с ответом за прожитую жизнь?

«Господи, неужели все, кто идет сейчас по улице, непременно умрут? Какой ужас!» В одной этой розановской сентенции, в этом одном испуганно-удивленном вздохе больше ума и чувства, чем в многочасовой лекции «О перспективных направлениях развития науки в XXI веке».

* * *

Трудно представить, чтобы из камеры, наполненной заключенными, каждый день молча

уводят куда-то по одному узнику, а оставшимся нет до этого никакого дела. Куда уводят? Отпускают на свободу, ведут пытать, расстреливать? Какая, дескать, разница. Давайте продолжать мусолить карточную колоду, или спать свернувшись на нарах, или рассказывать анекдоты. Не верю. Так почему у нас нет тревоги и почему мы не прислушиваемся к приближающимся шагам за дверью?

* * *

Есть некий вид приличия, я бы назвал его «проклятой вежливостью», который ограничивает темы разговора до самых незначительных. Все, что тревожит душу, все, что способно затронуть за живое, этим приличием выносятся за скобки. Можно мило улыбаться и, помешивая ложечкой сахар в кофейной чашке, учтиво слушать собеседника, говорящего о новом средстве от перхоти, о ценах на недвижимость, о страшной аварии, случившейся накануне. Но, почувствовав вдруг, что беседа плавно «съезжает» на одну из серьезных, вечных тем, можно посерьезнеть и сказать строго: «Давай не будем об этом». Стилистика фразы может варьироваться от аристократически-чопорной до матерно-блатной, но суть не в речевой этикете, а в аллергии на темы вечности, Суда и воздаяния.

Кто внушил нам молчать о самом главном?

* * *

По телевизору идет вечерняя информационная программа. Уже рассказано о новостях в стране и за рубежом, уже подошло время новостей спортивных и прогноза погоды. Диктор произносит импровизированный или заученный слоган типа: «Как будут развиваться события, покажет “Время”», — и вдруг неожиданно добавляет: «Не забудьте помолиться на ночь, поскольку мы не знаем, проснемся ли утром». О! Это было бы интереснее всех рассказанных ранее новостей. Часть зрителей была бы обрадована, очень многие бы опешили. Сотни тысяч, а то и миллионы почувствовали бы себя оскорбленными и стали бы засыпать редакцию гневными письмами. Возможно, и редактора, и ведущего(ую) сняли бы с работы. Возможно, в аптеках исчез бы валидол, раскупленный на следующее утро либералами и атеистами. Но, поверьте, это было бы интересно, а главное, знаково.

* * *

Откуда взялся этот ложный стыд в разговоре о вере? И кто вообще придумал толерантность и политкорректность в их настоящем виде, когда парады геев проводить можно, а вслух о Боге за пределами храма говорить нельзя? Судя по всему,

дьявол как-то по-особенному культурен и воспитан. Но это именно те условности, на которые можно смело плевать, не боясь оказаться хамом. Конечно, можно прослыть реакционером, черносотенцем, фанатиком и еще неизвестно кем. Словарь работников либеральной прессы намного превосходит словарь Людоедки Элочки. Это неприятно, но не смертельно. Смертельно будет, когда всякий убивающий христиан *будет думать, что он тем служит Богу* (Ин 16, 2).

* * *

В больших городах по радио сообщают об интенсивности движения на дорогах, о пробках и т.п. Что́, если бы к этой полезной информации подмешивать немножко веры, как соль к пище? Например: «Медленно движутся машины по мосту Метро в направлении Набережного шоссе. Из-за аварии стоит мост Патона. Всем, кто попал в пробку, советуем не нервничать и не ругаться. Читайте по памяти псалом 90-й, или “Отче наш”, или любую другую молитву».

* * *

Вернемся к теме смерти. Она как нельзя лучше подходит к ситуации в нашей замученной вы-

Кто внушил нам молчать о самом главном?

борами стране. Философ Семен Франк говорил, что очень глупо считать полноправными членами общества только тех, кто живет сегодня. А что же те, кто отдал нам эту землю в наследство, кто защищал, пахал, застраивал ее? Они что, навсегда исчезли и теперь не в счет? Действительно, какой жестокий и безверный подход! Неужели мы забыли, что «все живы у Бога»? Неужели мы и вправду думаем, что в данное время самые главные на земле — мы?

Накануне выборов, равно как и в дни всенародных испытаний или всенародных торжеств, нужно служить панихиды и посещать кладбища. Нужно делать то, что мы делаем на Радоницу, когда поем Пасхальный канон над могилками. Так мы делимся с усопшими радостью или вовлекаем их в свои тревоги. Но и то и другое есть победа веры над смертью.

* * *

Если вера не занимает главное место в нашей жизни, значит у нас ее нет. Эта фраза вертелась однажды у меня в голове, в то время как руки мои крутили руль автомобиля. На багажниках машин, ехавших впереди меня, то и дело попадались игривые наклейки вроде «Тише едешь — меньше

должен» или «Не едь за мной. Я заблудился». Прочтешь, улыбнешься и едешь дальше. И вдруг читаю неожиданную надпись: «Господи, благослови того, кто едет за мной».

И стало хорошо на душе. Тихо на душе стало, хотя дорога в четыре ряда была плотно заполнена рычащими автомобилями.

НЕ ЗАНИМАЙ ВЗЛЕТНУЮ ПОЛОСУ!

МИРЯНИН может проповедовать. Особенно если батюшка молчит. А батюшка молчит лишь по двум причинам. Первая: он свят, но неискусен. То есть хотел бы говорить и понимает необходимость слова, но малограмотен, или косноязычен, или застенчив... Вторая причина: он враг благочестия, враг Церкви, сколько бы митр ни хранилось в его запасниках. Сам о себе он этого не то что не скажет, но и не знает. Он мыслит о себе, что он — «столп и утверждение». А он — враг и посмешище. Ну да не много ли о таком? Лучше говорить о первом.

Он хочет говорить, но не умеет. Научился бы, если бы захотел, но он боится. В таком случае ему можно готовить к проповеди своих мирян, своих прихожан, которые способны сказать слово перед

литургическим собранием. Что для этого надо? Кое-что надо.

Нельзя говорить что попало и так, как «с моста — в воду». Не нужно лебединых песен. К проповеди нужно готовиться. Схема проста.

Выбранный батюшкой и согласный проповедовать мирянин должен избрать тему. Пусть это будет тема, которая волнует его очень давно. Например, «прощение обид», или «необходимость ежевоскресного участия в службе», или «пост среды и пятницы». Тем может быть много: дети, работа, слезы, деньги, потеря близких, уныние... Да мало ли? Каждого из нас что-то «свое» волнует годами. Об этом «своем» мы готовы говорить в любое время и это «свое» понятно многим другим, поскольку жизнь-то у нас одинакова. Итак, нужно определиться с темой, которая тревожит одного из грамотных прихожан, способных говорить на эту тему с народом.

Затем он должен будет эту тему изложить письменно. Обязательно письменно. Прежде чем человек научится говорить без листа и без шпаргалки, он должен преуспеть в написании и заучивании проповедей. Иначе — никакого плода.

Слово свое, выстраданное, нужно записать. Бумага чудотворна. Она проявит ложь, ненуж-

Не занимай взлетную полосу!

ный пафос, неуместную страстность и пр. То, что «съестся» в устной речи, в письме закричит и проявится фальшью. Писать надо! Как говорил Цицерон, кто умеет писать, тот говорит, как пишет!

Далее написанное нужно дать на прочтение настоятелю. Тот должен текст прочесть, оценить и отредактировать (уж на это он должен быть способен, иначе — какой же он священник?). Что-то уберется, что-то добавится. Текст нужно будет прочесть вслух и засечь время. Время чтения — не более восьми минут для начала. Не более! Остальное — вон!

Следующий шаг — выучить проповедь наизусть. Иначе нельзя. Только наизусть. Прежде чем человек научится говорить легко, складно и по теме, он должен научиться выучивать проповеди на память, слово в слово. На этом этапе недурно учить проповеди великих проповедников. Так, святой равноапостольный Кирилл (брат Мефодия) учил наизусть слова и проповеди свт. Григория Богослова и относился к ним, как к отточенному мечу, который не просто оглушает врага, но рассекает надвое.

И вот, когда проповедь написана, прочитана, отшлифована, выучена, она должна быть произнесена перед самой малой аудиторией. Перед тем же

священником. Есть прекрасные писатели, которые теряются, видя море лиц перед собой. Воевать со смыслами и листом бумаги — одно, а громко сказать слово собранию людей — совсем другое. То бишь почти уже готовый проповедник должен произнести свою первую проповедь перед тем же настоятелем. Причем не раз, а два, три или четыре раза.

Только после этого (!) можно в назначенный день выпускать на проповедь мирянина, одевши его в стихарь, благословивши его крестом, переживая о нем как о себе самом.

Он не отработает на все сто. Он будет все равно бояться, запинаться, сбиваться. Но начало будет положено. Другие миряне, носящие в груди огонь серьезных вопросов, захотят тоже готовиться к подобному труду. Они вскоре попросят благословения на проповедь. И можно будет устроить священную очередь благовестников, которые понесут батюшке на рецензию и на «прослушивание» свои выстраданные мысли. Все будет зависеть от священника. Даже если говорят не его уста, это будет его проповедь! Это будет благовестие его паствы, плод его трудов и кровь его сердца. Это послужит оправданием его косноязычия, если он и вправду косноязычен. Это будет упрек

Не занимай взлетную полосу!

всему молчащему священству и открытая дверь силе Святого Духа.

Стоит только начать этот непростой труд, не опуская ни одной названной стадии, они все важны до крайности. Отсюда смогут вырасти целые школы проповедников. Люди, однажды вышедшие на амвон, с ужасом поймут, как трудно проповедовать. Ведь они затратят без малого несколько недель на одну проповедь, а проповедовать нужно ежедневно, и не по привычке, а живо, сильно, благодатно! Годы пройдут, пока тот или иной труженик станет способен говорить в любое время и на любую тему. Но чтобы эти годы прошли и чтобы желаемое приблизилось, нужно начинать сегодня и — с малого. Нужно, чтобы священник, не могущий благовествовать или ленищийся готовиться к проповеди, признался в своей немогице и призвал своих прихожан к участию в своих трудах, а значит и в своей награде. Нет такого прихода, где в отсутствие проповедника не было бы замены ему. Нет такого прихода!

Дело за малым. Рожденный ползать — не занимай взлетную полосу! Ленишься сам — зови других. Они тоже — царственное священство. Только контролируй их, подсказывай, сдерживай, направляй, и награда у вас будет общая.

Проповедовать надо. Данные слова — упрек священству, но не только. Они — путь. Не нужно гордиться, обижаться, завидовать. Нужно день от дня благовествовать спасение Бога нашего. Стоит только начать. Дальше дело само пойдет — так, как мы придумать никогда не смогли бы.

НИКОЛАЙ И ДУХИ СТРАНЫ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

ЯПОНСКИЙ писатель Рюноскэ Акутагава был уверен в том, что христианству в его стране не победить. В рассказе «Усмешка богов» духи являются католическому миссионеру и ломают его волю, убеждают вернуться обратно на родину. Эти духи вышли из глубинных пластов японской культуры, подобно прибрежному песку поглотившей все набегавшие волны чужеземных влияний. Кто может выйти против древнейшей культуры? Каким оружием сражаться с древними духами?

Подарили мне как-то книжку — антология японской поэзии. А в книжке — вступительная статья про хокку (жанр традиционной японской лирической поэзии), про влияние дзэн (школа японского буддизма) на культуру Японии, про что-то

еще. Среди прочего — информация об одной карточной игре, в которую играют раз в году — на Новый год. Суть игры в том, что на картах написаны первые строки самых известных стихотворений века (дай Бог не соврать) XIV или что-то около того. Берет человек карту, читает первую строку и должен закончить по памяти стихотворение. Забыл — минус. Прочел — плюс. Такая вот игра в карты.

Я прочел и чуть не «прослезился», как гетман в романе М.А.Булгакова «Белая гвардия». Как-то сразу, без дополнительной аргументации стало мне ясно, что на фоне японцев мы выглядим бледно. Дикарями выглядим. И хотя в картишки у нас очень даже многие мастерски «шпиляют», но таких игр у нас никто не придумывал и уже не придумает. Стыдно сказать, но кишка наша тонка для рождения таких изящных культурных явлений, отметим — не элитных, но массовых.

Теперь подумайте о том, что дело не в одних лишь картах. Дело в общей смысловой насыщенности народа, богатого такими древними и оригинальными культурными явлениями, что одно лишь беглое знакомство с ними потребует и длительного времени, и серьезных внутренних усилий. А вот теперь, когда вы и об этом подума-

ли, подумайте о том, как проповедовать среди такого народа. Подумайте и умилитесь, вспомнив свт. Николая Японского.

Народов без культуры нет. Какая-никакая культура есть всегда, но культура культуре — рознь. Один миссионер писал другому о своей пастве: «Традиций никаких. Нравы скотские». Проповедь среди такой паствы потребует от миссионера большой любви к аборигенам, раздачи милостыни и обязательно — чудес. Для диких людей чудо — как хлеб.

А вот для тех, кто посерьезней, нужно явить в своей проповеди и в принесенной тобою вере мудрость и красоту. Но, конечно, вначале нужно язык изучить, который тем сложнее, чем культурно богаче новая паства. Проповедь Евангелия в Японии предварилась для свт. Николая Японского многолетним и всесторонним изучением самой Японии, страны, в языке которой вообще нет ненормативной лексики (опять хочу плакать) и мусорных свалок (мусор утилизируется на 100 %).

Япония вовсе не страна «ботаников», только нюхающих сакуру и ловящих бабочек. Там сильны воинские традиции, ценится стойкость и бесстрашие. Более того, именно служилое военное сословие

было самым образованным. И самураи вне воинских тренировок обязаны были упражняться в стихосложении и каллиграфии. Упражняться настолько усердно, что и перед вспарыванием живота (сеппуку) самурай должен был прочесть стихи собственного сочинения.

Этим вооруженным философам, ежедневно готовившимся умереть, более, чем другим людям, были близки мысли о красоте и тленности, о верности и вечности. Истина влекла их, и они приходили ко Христу первыми. Приходили служить, а не получать земные блага от новой веры.

Христиане должны помнить: апостолу Павлу в Афинах поводом для проповеди послужил пустой жертвенник с надписью «неведомому Богу». Апостол, что называется, «зацепился» за этот жертвенник, чтобы говорить о Том Боге, Которого не знают еще афиняне. Это — факт, но это и принцип миссионерской деятельности. Вникай, думай, учись, ищи, за что зацепиться. Так же нужно было поступать и свт. Николаю Японскому.

Например, в одном из классических самурайских трактатов Мусаси Миямото говорится, что воин должен брать пример с плотника. Инструмент плотника должен быть отточен и чист, его нужно держать всегда при себе, нужно идти на

работу по первой просьбе и пр. А ведь Господь наш в дни послушания Иосифу был плотником (!).

И свт. Николай Японский, изучив письменность своей новой родины, мог сказать слушателям: «У вас написано много хорошего о плотниках и о том, что у них можно учиться. Об учении одного неизвестного вам плотника я вам и расскажу». На этом месте я уже не хочу плакать и говорю: «Аллилуйя!» Вот для чего нужен культурный труд и кропотливые умственные усилия. Об этом и Святейший Патриарх Кирилл говорил во время своего последнего визита в Японию.

Дикарь говорит: «Чудо давай! Исцеление давай! А больше ничего не давай. Мне остальное без надобности». Фарисей тоже говорит: «Покажи мне знамение». Есть известное выражение Сократа: «Заговори, чтобы я тебя увидел», то есть скажи мне, чем живет твое сердце. Может быть, я услышу в твоих словах то, чего ждет мое сердце. Кому как, а мне последний вариант роднее и ближе. Поэтому и свт. Николай Японский мне мил со всей своей мужественной неспешностью и терпеливым постоянством.

Моему уставшему сердцу (есть такое идиоматическое выражение у японцев) хочется, чтобы в нашем народе не прерываясь происходил

невидимый глазу культурный труд. Ну, например, чтобы люди почувствовали красоту простоты и удовольствие от добровольного минимализма. Чтобы Япония ассоциировалась у них не с хентаем (жанр японской анимации и комиксов с эротическим содержанием) или «хондой», а с глубоким и древним культурным многообразием. Чтобы рисовали, думали, слагали стихи и обсуждали прочитанное не одни лишь высоколобые представители меньшинства, а обычные люди от садовника и водителя автобуса до министра обороны и владельца сети супермаркетов. Думаете, слабо? Я тоже думаю...

Значит, тогда нам нужны по крайней мере такие пастыри и архипастыри, как свт. Николай (Касаткин), чтобы они были друзьями книг, мастерами слова и гениями умного молчания, чтобы профессора кафедры философии считали за честь с ними побеседовать, чтобы все стороны народной жизни были ими с любовью изучены. Чтобы... Чтобы... Думаете, слабо? Я тоже думаю...

Так что же тогда? А вот что: нужна самурайская храбрость и ежедневная готовность умереть. И нужно так жить сегодня, чтобы перед смертью суметь прочесть стихи собственного сочинения. И еще нужно чувствовать красоту кра-

ски, линии и звука, а мысль оттачивать так же, как хороший плотник оттачивает инструмент. И трудиться нужно не ожидая скорых плодов, но чувствуя их неизбежность.

В общем, нужно любить Господа среди массового оупения и жить постепенно и настойчиво, восходя снизу вверх, как жил свт. Никорай (в японском нет звука «л»). Жить так, как говорится в одном классическом стихотворении:

О, улитка!

Взбираясь к вершине Фудзи,

Можешь не торопиться.

НУЖНО, МОЖНО, НЕ СТОИТ...

Я ХОЧУ сказать несколько слов о проповеди, вернее, о ее месте в богослужении.

Обычно проповеди произносятся после прочтения Евангелия, на запричастном стихе и перед целованием креста в конце службы. Четвертое место придумать трудно. И вот, как это видно из заглавия, видится мне неодинаковой польза и уместность благовествования в этих трех временных моментах служения.

Писание, говорит нам древняя мудрость Церкви, это не то, что читают, а то, что понимают. Писание предполагает толкование. Прочел — объясни. Поэтому органическое, родное, естественное место проповеди — это сразу после прочтения Евангелия.

Поскольку вся служба еще впереди, проповедь не должна быть долгой, напыщенной, растекаю-

Нужно, можно, не стоит...

щейся по множеству тем. Она — стрела. Она — огонь. Она — вспышка евангельского разума в потемках человеческого сознания. Проповедь эта способна преобразовать людей, «пришедших помолиться», в тело Церкви.

К такой проповеди нужно готовиться. На авось, как-нибудь, лучше и вовсе не надо. Проповедь должна быть столь же четкой, выверенной, как чин богослужения. И стоит иногда отложить канонник, чтобы посидеть час-другой над книгами с карандашом ради предстоящей проповеди, ибо читающий каноны спасает только себя, а назидаящий собрание спасает многих.

Проповедь после Евангелия должна реально помочь всем молящимся сосредоточиться на продолжении молитвы, на отложении всякого житейского попечения, на поднятии сердца горé. Совсем иной по складу, по протяженности, по накалу может быть проповедь перед целованием креста. Это уже не столько благовествование, сколько беседа. Ее тон спокойней и доверительней, ее протяженность может быть большей.

Она важна, эта беседа в конце, поскольку люди лучше запоминают последнее из того, что слышали. И потому можно напомнить смысл прочитанного Евангелия, можно, пользуясь случаем,

еще раз, но уже по-русски, прочесть дневной Апостол. Можно затронуть в слове проблемы прихода или события в обществе и Церкви, которые у всех на слуху. Конечно, будет сказано о предстоящих ближайших службах, но не только это должно быть сказано. Если по прочтении Евангелия пастырь обращается к пастве в духе и силе прозвучавшего слова Божия, то в конце службы он говорит, как отец со своей семьей.

Можно смело сказать, что и та и другая проповедь необходимы. Можно смело сказать, что слов, произнесенных после Евангелия и в конце службы, — очень и очень мало. Наша паства перекормлена информацией, жаль только, не Божественной. Ее уши напичканы, а глаза замылены безвкусной трескотней или откровенным ядом. Десяти минут проповеди в неделю для нее мало. Потому, рассчитывая время, не опасаясь замучить народ «напрасными словами», готовясь к каждой проповеди, как к экзамену, священник обязан очищать и напитывать сердца людей подобно земледельцу, возделывающему и поливающему огород.

Эти два вида обращения к пастве, после Слова и в конце службы, соответствуют словам «нужно» и «можно» в заглавии статьи. А вот частая

Нужно, можно, не стоит...

практика проповедования перед вынесением чаши соответствует, как мне видится, слову «не стоит».

Это очень неудобное время. В это время люди настроены на принятие Божественной пищи. Они тщательно собирают свои мысли, каются, молятся с напряжением. Их очень легко сбить в это время с толку. Проповедь в это время может не назидать, а мешать подготовке к причастию. Особенно если проповедь не особо удачна, длинна, вяла, без огонька. Тогда самые смиренные прихожане склонны думать: «Когда ж ты закончишь, батюшка?»

Кроме того, в это время в храм приносят детей к причастию, дети могут плакать, капризничать, вертеться на руках родителей. Это не добавляет моменту благоговения, сбивает проповедника, нервирует и взвинчивает молящихся. Шипением и ворчанием взрослых, плачем детей наполняется в это время храм, и редко кто из нас не чувствовал натянутости и двусмысленности подобных ситуаций.

Кроме того, не удержусь, чтобы не сказать еще одно. А именно, священство, причастившись в алтаре, далеко не всегда торопится выйти к людям с чашей небесного хлеба. Священство может

почитать благодарственные молитвы, побродить вальяжно по алтарю, перекинуться парой-тройкой фраз с пономарями или дьяконами. Тянущиеся минуты, во время которых потеют и мучаются, нервничают и ждут в храме люди, священство не всегда склонно переживать и чувствовать. Добавьте сюда нудную проповедь и детский плач. Добавьте сюда летнюю жару или толчею переполненного помещения, и вы согласитесь, что минуты эти не назидают, а искушают.

Все, что предназначено к спасению, может быть превращено в причину бесполезного мучения. Все! Мы должны понимать эту жестокую истину. И это не одной только проповеди касается. Но сейчас проповедь в поле нашего зрения.

«Нужно, можно и не стоит» — так называется это краткое слово. С формальной точки зрения это слово касается времени произнесения проповеди. На деле же оно касается вопроса: любим ли мы — священники — Бога и людей? Боимся ли осуждения за творение дел Божиих с нерадением? Добре ли управляем вверенным в наши руки имением и достоянием во временном отшествии Господина, чтобы, когда Он вернется, без стыда и запоздалого страха отчитаться о проделанной работе?

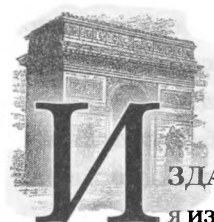
Нужно, можно, не стоит...

Нам вверены словесные овцы. Их нужно кормить не сеном и не силосом. Им нужна словесная пища, от которой можно укрепиться и возрасти во спасение. И пищу эту нужно давать «во благовремении», как говорит Евангелие. Овцам — тучное пастбище, младенцам — чистое словесное молоко, возросшим и укрепившимся — ароматное вино веселия о догматах и вещах сокровенных.

Стоит беспокоиться этой задачей, покуда еще **можно**, то бишь есть время беспокоиться. Ведь это «единственное на потребу», единственное, о чем **нужно** беспокоиться.

ПАРИЖСКАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ШКОЛА

ИЗДАНИЕ Льва Толстого, по которому я изучал роман «Война и мир», на изрядную долю состояло из французского текста. Все разговоры в салоне мадам Шерер, переписка главных героев, реплики в диалогах в том памятном мне издании были даны так, как они произносились, — на языке энциклопедистов и салонных остряков того времени. Что поделаешь, французская культура в описываемые Толстым времена реально владела умами русского дворянства. Позднее будет подобное увлечение немецким идеализмом и английской политэкономией. А пока даже о таких исконно русских душах, как пушкинская Татьяна, можно было сказать лишь так:

Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала

И выражалась с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...

Причем не только любовная лирика пользовалась языком уже пропетой «Марсельезы». Император Александр I, переживший мистическое озарение в дни наполеоновского нашествия и ощутивший на себе руку провидения, читал Евангелие тоже на этом языке. Стоит ли удивляться, что в Париже, а не в Мадриде и не в Стокгольме после окончательного прихода к власти большевиков оказалась самая значительная община русской эмиграции? Подобное тянется к подобному, и в силу тех же законов поздние волны эмигрантов оказывались в США именно потому, что слушали «Битлов» и читали Хемингуэя, то есть находились под обаянием англоязычной культуры.

* * *

Русских эмигрантов было много не только во Франции. Они были во многих странах Европы, Латинской Америки, в Англии. Но любопытная деталь — нигде, кроме Парижа, не возникла серьезная русская богословская школа. И это при том, что за французской культурой утвердилось

прочное мнение как о культуре легкой, поверхностной, ни к чему в духовном отношении не обязывающей. Это мысленное клише до крайности несправедливо. Французская культура в лучших своих плодах питается христианскими корнями, и корни эти временами очень глубоки. Но целые поколения Хлестаковых учили французский для писания любовных записок, а не для чтения, скажем, Расина, ну а высшим проявлением французской культуры они считали явления, подобные кабаре «Мулен Руж». Эти люди мечтали о Париже в своих поместьях, а оказавшись в Париже, позорили имя русского человека, как и современные мажоры в Куршевеле. Но в XX веке, оказавшись в Париже не на отдыхе, а в изгнании, верующие русские люди сумели самоорганизоваться и создали богословскую школу, чье влияние выходит далеко за пределы означенного места и времени.

Считается, что эмигрантам куда более свойственно пить, «воздыхать» и «вспоминать», нежели активно влиять на жизнь. Те люди, чьи имена мы вспомним, менее всего были похожи на разбросанные бурей обломки старого мира. Они думали, боролись, зажигали своим примером других, творили будущее.

Имена.

По отдельности они вырезаны на надгробиях и оттиснуты на обложках книг. Собранные же вместе, они представляют собой солидный синодик. Эти люди думали и писали, страдали и молились. Написанное ими требует внимательного прочтения. Общий для всех вопрос, что же произошло с нами и всей страной, — мучил и их. Его опережал следующий вопрос: зачем все это произошло, чего от нас хочет Бог, раз Он управляет историей? Подобно израильтянам, уведенным в плен, им предстояло не только не разочароваться в вере предков, но еще более укрепиться в ней и проповедовать ее в новых условиях совершенно неожиданным слушателям.

Такие люди, как Г.Федотов, К.Мочульский, И.Концевич, всматривались в отечественную историю и культуру, ища в ней ответы на вопросы современности, складывая мозаичный лик русской православной религиозности.

Другие продолжали оригинальное бытие религиозно-философской русской мысли, ярко зажегшееся в России незадолго до катастрофы. Это, например, С.Франк и Л.Шестов. С ними можно не соглашаться, но их стоит прочесть.

Серьезнейшее изучение отцов Церкви начал протоиерей Георгий Флоровский. Его «Пути русского богословия» — это интегральный учебник русской духовной истории, обязателен для чтения как любого священника, так и любого образованного человека. Флоровский особенно важен для тех, кто любит хвалиться отцами и ссылаться на святых отцов, самих отцов толком не читая, да и не желая читать. Подобно великому А.Хомякову, Флоровский — один из немногих людей, всегда живших Церковью и никогда не порывавших с ней. Большинству же образованных людей более соответствовал путь отхода от Церкви, а затем мучительное возвращение к ней.

Н.Афанасьев начинает то, что потом продолжит А.Шмеман и что лучше всего передается выражением «литургическое возрождение». Это, по сути, не что иное, как обращение всего внимания, всей любви и всего ума к Святому Святых Церкви, к ее сердцу — к Евхаристии. Это выяснение связи Церкви как Тела Христова с Телом Христовым как главным церковным Таинством. Выяснение связи, являющейся тождеством.

Еще был С.Булгаков со своим сомнительным софианством, А.Карташев с лекциями о древней Церкви, читаемыми как детектив, эрудит В.Зень-

ковский и многие другие. Был ни к кому не примыкающий, особняком стоящий, но всему миру заметный Н.Бердяев. Был архимандрит Киприан (Керн), чьи лекции по литургическому богословию знают многие семинаристы. Вообще было так много всего и всех, что подробное знакомство с этими лицами и их трудами обещает быть сколь увлекательным, столь и непростым.

В точном соответствии с родовыми недугами интеллигенции, как мы уже сказали ранее, и большое число богословов-эмигрантов пережило в свое время отход от Церкви. Зато потом, вернувшись, они принесли с собой способность глубоко понимать и анализировать современные соблазны. Тот же Булгаков, отдавший дань увлечению марксизмом, впоследствии много размышлял о богословии хозяйствования. До сих пор эта сторона жизни не освещена православной мыслью. Мы привычно повторяем святоотеческую догматику, но в практической жизни раболепствуем перед капиталистической этикой. И что катастрофично, даже не обращаем внимания на это уродливое несоответствие. «Хозяйственная жизнь, жизнь промышленная и финансовая течет своим чередом, а Церковь даже не думает влиять на нее», — вторил Булгакову Зеньковский. Если

мы не сможем подхватить эстафету умного творчества, то хотя бы снимем шляпы перед памятью людей, произносивших столь своевременные и точные диагнозы эпохе.

* * *

Парижских богословов у нас знают не все, а те, кто знают, не все любят. Более того, их «подозревают». Хотя уж чего-чего, а злонамеренности и коварства у этих богословов-беглецов не было ни на грош. Им ставится в упрек то, что их богословие либо новаторствует в областях дотоле неизвестных, либо опасно смешивается с дерзким духом философского поиска. Что ответим на это? Ответим, что они занимались тем, чем на изгнавшей их Родине никто очень долго не имел возможности заниматься. На Родине русской душе из всех вариантов духовной жизни был оставлен и навязан только один — страдание. А богословие, учеба, поиск и размышление, как хлеб и воздух необходимые любому народу, продолжились в изгнании как часть общего дела. Чтобы тем, кто выживет после огненных испытаний, можно было взять в руки современную православную книгу на русском языке. Уже одна эта мысль гасит раздражение и зовет к близкому знакомству.

Кроме того, эти люди не ждали канонизации и не мечтали о бронзе памятников. Они понимали, что сошедшая с ума, выскочившая из полозьев жизнь ставит множество злободневных вопросов, на которые нужно дать адекватный и своевременный ответ. Они с опозданием понимали, что свершившаяся на Родине катастрофа есть в немалой степени плод того, что ранее возникавшие жгучие вопросы не получали своевременных на них ответов и что многие люди, призванные эти ответы давать, с работой своей не справились. Парижских философов и богословов поэтому вовсе не нужно массово канонизировать, благоговейно дрожа над всякой написанной ими строкой. Но их вовсе не нужно и анафематствовать, подозревая во всех смертных грехах во главе с масонством.

Вслушаемся только в перечень тем, поглощавших их внимание: духовная история Отечества, исторический путь Вселенского Православия, богословие отцов и учителей Церкви и литургическая жизнь, соответствующая богословию отцов. Да ведь важнее названных тем ничего нет! И кроме того, в двухсотлетний период от Петра I до Ленина богословская мысль в России эти темы творчески не изучала, довольствуясь готовыми учебными пособиями протестантов и католиков.

Поэтому к «русским парижанам» первой волны эмиграции, к этим людям, видевшим наяву парижские мостовые, а во сне — белые березы на фоне синего неба, нужно относиться и с вниманием, и с уважением. Любить не заставишь, но нельзя ни отмахиваться, ни мимо проходить.

* * *

Одна историческая деталь.

В 1922 году, когда, по словам Троцкого, «расстрелять не за что, а терпеть невозможно», советская власть выслала из страны неугодных ей гуманитариев. В их числе находились С.Булгаков, Л.Карсавин, В.Лосский, С.Франк, Н.Бердяев, то есть именно те, кто нас интересует, — будущие парижские богословы и философы. Один из них, Бердяев, перед высылкой пошел проститься с о.Алексием Мечевым в храм Николая Чудотворца на Маросейке, прихожанином которого являлся. Бердяев вовсе не являлся кристальным выразителем православной философии. В своем творчестве он ярок, неожидан, глубок. Но он открыт для критики, далек от непогрешимости и часто критики достоин. В то же время о.Алексий свят и еще при жизни всенародно любим. Отношение московского батюшки, этого «второго

Иоанна Кронштадтского», к известному и изгоняемому философу может служить неким эталоном отношений ко всему означенному явлению. Так вот, Бердяев вспоминал, что старец встал ему навстречу «весь в белом», «как бы пронизанный лучами света», тогда как философ смущался в ожидании отъезда и был встревожен. Праведный священник сказал ему: «Вы должны ехать. Ваше слово должен услышать Запад».

Что ж, остается добавить только одно. На Западе кто хотел, тот услышал русскую религиозную мысль в изгнании. Эту мысль теперь нужно услышать и пропустить через горнило изучения на Родине. Тем более что ради Родины эта мысль и звучала, одновременной любовью к истине и к Родине она приводилась в движение.

ПРОПОВЕДЬ ВАЖНЕЕ ВОЗДУХА

В ИЗВЕСТНОМ отрывке из книги пророка Иезекииля, который читается в Великую Субботу, пророк стоит на поле, полном сухих костей, и по велению Бога обращается к костям, как к людям: ...*кости сухие! слушайте слово Господне!* (Иез 37, 4) Этим обращением было положено начало следующему за тем чуду — восстанию из праха тех, от кого остались только высохшие останки (см.: Иез 37, 1–14). Это обращение к сухим костям наводит меня на мысль о проповеди, такой проповеди в духе, которая в древности именовалась «пророчеством».

Проповедь слышна. Проповедь, казалось бы, струится и ширится. И вместе с тем ее очень мало. И что еще важно — многие православные христиане сомневаются в полезности проповеди. На

этом месте я скажу: «Вонмем!» Здесь нужно быть внимательным. Многие, повторяю, христиане, в том числе священники, не верят в силу благовествования, скептически, подавлены и, словно унижая силу Божества, уверены, что ничего уже не исправить.

И здесь же возникает вопрос: почему пророки Иезекииль, Исаия, свт. Филарет (Дроздов), Федор Достоевский и пр. — всегда явления разовые, уникальные? Нам всякое время есть в них великая нужда, а являются они даже не в каждое столетие. Да потому, что надо быть готовым проповедовать Слово даже сухим костям. Нужно иметь Аврамову веру в то, *что Бог силен и из мертвых воскресить* (Евр 11, 19). А большинство людей на вопрос: «Сын человеческий! Оживут ли кости сии?» — отвечают не пророческим ответом: *Господи Боже! Ты знаешь это* (Иез 37, 3), а маловерным собственным: «Никогда не оживут. Это уже невозможно». Но вот те, кто готов проповедовать даже мертвой материи, увидят затем перед собой живых людей, еще вчера не подававших признаков духовной жизни.

* * *

«Все бестолку. Все пропало. Ничего уже не изменить». Какого беса это голос? Беса уныния.

И хотя, то есть правда, что от уныния страдают все, а духовные — тяжелее прочих, но страдать от страсти — одно, а проповедовать свою страсть — другое, совсем другое.

Стены Иерихона падают только от звука духовных орудий! Не от стенобитных приспособлений падает город, и не от тяжестей осады сдастся его гарнизон. От парадоксального и для многих кажущегося абсурдным недельного хождения по кругу со звуком серебряных труб сокрушается сильный враг. Апостол Павел связывает звук трубы с голосом Архангела (см.: 2 Фес 4, 16), а то и другое — с Вторым Пришествием Христа на всеобщий Суд. Мы читаем постоянно эти слова на погребениях и заупокойных службах. И связь трубного звука, архангельского гласа и явления силы Христовой должна быть для нас внятной.

До Страшного Суда проповедь священническая есть звучащая серебряная труба. Ей же сопутствует архангельский голос, поскольку бесплотным духам привычно учить нас молитве. «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!» мы переняли благодаря пророку Исаие у Серафимов. Трисвятую песнь поем вместе с ангелами. А «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою» повторяем вслед за Архангелом Гавриилом.

Итак, звук трубы духовной и архангельский глас пусть раздадутся вновь и вновь, и придет на этот звук Сам Христос, чтобы прежде окончательного Суда совершить очередной предваряющий суд и разрушить крепко сложенные стены привычного греховного образа жизни.

* * *

Люди умножились в количестве и обмельчали в качестве. Не ухудшились даже, а именно — обмельчали. Но все равно они остались людьми и реагируют на слово, проникающее, как меч обоюдоострый, до разделения души и духа, составов и мозгов (см.: Евр 4, 12). Поэтому служение слова должно выйти на первое место в иерархии ценностей церковной жизни. Оно выше раздачи хлеба голодающим в неурожайное время. И священник, который должен быть служителем слова по преимуществу, должен принять к собственному сердцу слова имеющего семь духов Божиих и семь звезд: *Бодρствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны пред Богом Моим* (Откр 3, 2).

И не надо стремиться к мгновенному превращению из безногого калеки в Илью Муромца. Есть место в наших трудах и усталости, и сомнению,

и боли в костях оттого, что плод минимален. Но эти состояния не имеют права превращаться в господствующие. Их нужно терпеть, как терпим мы все вообще в жизни очень многое безрадостное и отвратное. Но потерпев, нужно опять браться за дело, поминая тщетную ловлю апостола Петра. *Наставник!* — сказал однажды Симон. — *Мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть* (Лк 5, 5). И вот когда бесплодность длительных трудов уже была очевидна, а доверие к повелению Спасителя превозмогало чувство усталости и маловерия, Бог явил силу Свою. Сети наполнились рыбой, причем — в считанные секунды!

Это не просто образ милосердия Божия к рыбакам ради наполнения их желудков. Это пророчество об успешной будущей проповеди: *...отныне будешь ловить человеков* (Лк 5, 10).

Бесплодные, до тех пор пока Бог не благословит, труды наши приносят большой урожай тогда, когда мы устали, но не отчаялись, когда плода ждем не от своих талантов и трудов, а от явления Духа и силы в проповедании Христовых словес.

* * *

Можно и нужно не верить в себя.

Не верить в людей можно, но не нужно.

Но не верить в силу Божию, о которой Он Сам сказал Павлу: ...*сила Моя совершается в немощи* (2 Кор 12, 9), грешно и преступно. Нужно дать этой силе место.

Только пять хлебов ячменных и две рыбки было у апостолов, когда более пяти тысяч народа ожидали пищи. Но если Христос рядом, то только начни преломлять и раздавать, как малый хлеб умножится и будет с избытком достаточен для насыщения многих.

Никто из пастырей не говори: «Я не могу. У меня нет талантов и сил». У тебя их нет, потому что ты пренебрег первородством, как Исав; потому что зарыл талант в землю, как лукавый раб. Испытай свою совесть и познай, что это так и не иначе. Бог наш таков, что дает духовные дары всякому, приступающему с кротким сердцем. Это красивыми рождаются. А тружениками Божиими и проповедниками правды евангельской — становятся.

И железо без действия ржавеет. И нож тупеет в ножнах. Но нам сказано: ...*Возьмите щит веры... и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие* (Еф 6, 16–17).

ПРОПОВЕДОВАТЬ – ВСЕМ?

НАС на планете становится все больше и больше. Человечество увеличивает-ся по законам геометрической прогрессии. Этот факт неумолимо влияет на все происходящее в мире. К тому же люди быстро обмениваются информацией и все свободнее мигрируют, обретая общие черты «граждан мира».

Так на наших глазах и при нашем участии приближаются времена перехода человечества от состояния единства теоретического и умопостигаемого в состояние единства фактического, осязаемого, скрепленного рамками всемирной государственности. Этот последний процесс привычно именуется глобализацией. Хочется сказать несколько слов о связи христианской миссии с этими двумя процессами:

увеличением численности населения и глобализацией.

Совершенно очевидно, что нам нужно больше проповедовать. Людей стало больше, больше нужно и слов о «Свете, просвещающем всякого человека, грядущего в мир». Это прозрачный и одновременно ужасный вывод, поскольку при нашем привычном отношении к проповеди и учению как к чему-то остаточному и далеко не главному мы и сегодня, и третьего дня на вызовы времени отвечали не вполне. А тут — речь об умножении усилий. Добавляет горечи и то, что население планеты увеличивается не за счет нас. Мы как раз избавляем планету от перегруза, смиренно испаряясь. Казалось бы — кому проповедовать, если с демографией все не очень хорошо?

Проповедовать нужно всем, то есть людям вообще, а не только «своим» людям, имея в виду этническую или государственную принадлежность. В мире, который глобализуется, Церковь тоже вынуждена действовать глобально, на всех. Глобализация размывает границы, и Церковь должна действовать смелее и свободнее, не боясь этого размывания.

Сегодняшний день едва-едва, а завтрашний — с усилением потребуют от нас глубокого пересмотра

привычного взгляда на мир и себя в нем. Проповедовать придется не только русским или русскоязычным, но всем!

Если Православие — ценность вселенская, а мы — ее хранители, то передавать сокровище нужно будет во все руки, которые будут протянуты с чистыми намерениями. Этот труд потребует специфических усилий, и филологических — совсем не в первую очередь.

В первую очередь нам предстоит осознать ответственность за обладание спасительной верой — раз; и наличие в мире миллиардов любимых Богом людей, к спасительной вере не приобщенных, — два. Свет, Который во тьме светит, Христос, действительно просвещает всякого человека, грядущего в мир (см.: Ин 1, 9), а вовсе не тех только, кому посчастливилось родиться в христианской стране и креститься в младенчестве. Одни китайцы и индусы, стремящиеся занять собою больше половины человечества, чего стоят. Уж не думаем ли мы, что Богу дела до них нет или что миссионерством должны одни только католики заниматься? А Православие кто людям понесет? А радостный успех свт. Николая Японского кто повторит в других, но подобных и близких Японии странах?

Никуда, кстати, ехать сразу и не надо. Существуют пограничные области с оживленным взаимным общением. Чем не зона миссии? Существуют большие города и культурные центры, где обучаются иностранные студенты и происходит активный культурный диалог. Чем не миссионерские оазисы?

Существуют православные приходы, рассеянные по всем полушариям и континентам. Они и сегодня светят тихим светом инославному миру. Правда, по привычке более ориентированы на окормление своих людей, оказавшихся за рубежом. В самом начале нужно только совершить благое изменение в собственном сознании и перестать почивать на лаврах, привычно разделяя мир на «басурманский» и христианский, а понять его как мир Божий, нуждающийся в проповеди, в том числе и нашей.

Апостолов было двенадцать плюс семьдесят. Они были босоноги и просты, заранее обречены на гонения и страдания за имя воскресшего Спасителя. Нас — миллионы, среди которых немало мудрецов, книжников, людей опытных и бывалых.

Назвать нас совершенно безблагодатными было бы хулой на истину и на дрящущуюся Пятидесятницу. Стало быть, наши успехи должны быть

уникальны и грандиозны. Но где эти успехи? Очевидно, мы чего-то важного не замечаем и на что-то бесценное не обращаем внимания. Какой мысленный вирус не дает нам действовать слаженно и эффективно, а миру за пределами Православной Церкви не дает насладиться «единым на потребу» в нашем изложении?

При этом все технические новинки эпохи могут сослужить нам службу. Не нужно обязательно ходить пешком или ехать на осликах. Можно летать, плыть и двигаться на колесницах и плавсредствах самых новых модификаций, лишь бы это было не выражением гордыни, а облегчением служения. И СМИ могут помочь нам, и онлайн переводчики, и цифровые носители. Глобальная эпоха дает нам в руки соответствующие этой эпохе средства, облегчающие труд. Во времена апостолов такими знаками глобализации были почтовые и торговые связи, пронизывающие Римскую империю, мощные дороги во все концы ее и т.п. Апостолы творчески использовали все наличные возможности для проповеди, и нам стоит поступать так же.

И снова повторяюсь, что не одно и то же — благовествовать десятку тысяч или миллиону. Стоит внимательно проанализировать схожие и отлич-

ные черты проповеди апостольской и нашей (гипотетической). Например, так. В древности невозможно было найти народ (объект миссии) без культурных корней, памяти о предках, своего религиозного культа и прочей цветущей сложности. И эти ментальные установки находились в центре, а не на периферии сознания. Сегодня такими народами являются уже не все. Распространение идей либерализма и ценностей общества потребления подобно катку раскатывают рельефную и выпуклую действительность в нечто плоское и однообразное. Люди без корней, без культурной памяти, без четкого унаследованного этоса — не фантазия, но умножающаяся в размерах реальность. К ним-то нам и идти. Нам не нужно будет сокрушать ложных богов, которые в каждой деревне свои. Придется общаться с неким усредненным типом человека, с «человеком вообще», часто — с «человеком без метафизики». Подобного опыта ни у кого в истории не было. Проповедь апостолов была «просто проповедью». Никакая христианская государственность, устоявшаяся традиция, никакие международные документы и общественные организации за их спиной не стояли и не угадывались. Сегодняшнее христианство редко проповедует только Христа,

одного Христа, и ничего кроме Единородного. Христианские проповедники *volens-nolens* повсюду проповедуют Христа и еще «что-то». Они несут с собой свою историософию, свою цивилизацию вместе с ее плюсами и минусами, несут свой культурный тип, который им кажется единственно правильным, и т.д. Это очень осложняет и запутывает дело, поскольку угрожает превращением миссии в колонизацию. У нас может напрочь отсутствовать смиренное уважение к возможной пастве, и в крови у нас может жить не столько жар благовестника, сколько ген культурного превосходства.

Ошибка — насаждать в новых местах готовые и сложившиеся ранее где-то культурные формы. Следует благовествовать, крестить и совершать Евхаристию. А новые культурные формы родятся сами исходя из множества местных факторов, переживших действие благодати.

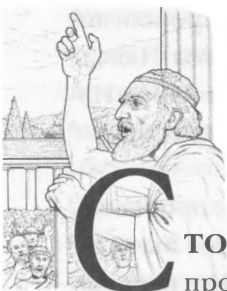
Можно остановиться и передохнуть. У меня нет желания писать фантастический роман и расписывать в деталях процесс, который еще не начинался. Но остается необходимость понять, что от активности в деле проповеди зависит и наша собственная судьба в вечности, и будущее мира, в котором нам жить еще.

По отношению к Евангелию все люди равны. Если родной народ не ощущает вкуса евангельской истины и священный голод ему неизвестен, то есть другие народы с другими характеристиками нравственного здоровья. Значит, проповедовать придется им. Так поступал апостол Павел, который сколь ни любил сродный ему народ Израиля, все же отряхнул во время оно прах от ног и сказал: «Иду к язычникам».

Сколь ни мила и нам наша Родина, проповедь Евангелия и служение Христу должны быть на ступеньку выше в шкале ценностей. Да и народы, имеющие слово «христианский» как приставку к собственному имени, должны считать себя должниками тех, кто до сих пор внятной и бескорыстной проповеди о Победителе смерти не услышал.

ПРОПОВЕДЬ – ДИАЛОГ СО МНОГИМИ

СТОЧКИ зрения внешнего наблюдения проповедь — это чистый монолог. Один человек говорит, а другие люди слушают. Но, как известно, проповедь бывает успешной и неуспешной. И зависит это не только от духовных качеств проповедника и его готовности к служению. Многое зависит и от состояния сердец слушающих.

Конечно, если церковный оратор ведет паству не на сочные луга, а к яме с силосом, то вся вина на нем. Не готовился, не мучился сердцем, не продумывал слов заранее. Так, сказал что-нибудь и как-нибудь — эффект понятен. «И так сойдет». Закончил, и слава Богу, скажут люди. Но если он думал, молился, готовился, а «парашют не раскрылся», то не все здесь зависит только от него.

И это потому, что проповедь — это только на первый взгляд монолог. Для сердца она — диалог.

Один человек говорит к собранию. Говорят не только его уста, но говорит и его сердце. В это время слушают его многие пары ушей и, одновременно, беседуют с ним незримо сердца многих слушающих. Проповедь — это диалог многих сердец.

Одни сердца принимают слово так, как стена принимает удары гороха или как бык жуёт фиалку, — безучастно. Другие сердца приходят в движение. Причем движение как радостное, так и негодующее. «Как это правильно! Как это истинно и красиво!» — говорит одно сердце. И тут же рядом другое сердце в ответ на те же слова отвечает: «Что за чушь! Что он мелет?» Если слова проповедника произносятся не для галочки, но помазаны Духом, то собрание слушающих, на уровне тайны сердца, представляет из себя жужжащий улей. «Это прекрасно!» — говорит один. «Это ужасно, и кто может это слушать?» — говорит другой. «Я ничего не понимаю. Нельзя ли попроще?» — бурчит третий. «Как жаль, что я это так поздно узнал», — говорит четвертый. И этими четырьмя голосами количество вариантов не исчерпывается.

Слушая слово и приходя в движение, сердца слушающих посылают некие импульсы сердцу проповедника. Если они одобряют слово, сочувствуют ему, открываются навстречу, задают неслышно вопросы и жадно ожидают ответы, то слово льется, и иногда проповедник говорит то, что заранее не готовил. «Неужели это я сказал? Я ведь этого нигде не читал», — со страхом думает про себя благовестник. Он не только назидает, но и назидается; не только учит, но и учится. Это живое исполнение слов о пребывании Христа там, где двое или трое собраны во имя Его. Проповедник и паства, собранные во имя Спасителя, дают возможность Самому Спасителю пребывать между ними, вразумляя и наставляя собравшихся.

Но бывает, что паства глуха, нема и безучастна. Тогда проповедник распинается и немеет. Он пробует, силится, мучится, но чувствует, что плод невелик. Это тяжелый, хотя и неизбежный и необходимый опыт. Вот почему вначале было сказано, что не все зависит от проповедника. Проповедь — это диалог, а не монолог.

Но худший вариант — это когда паства голодна и готова слушать, но пастырь может только вести овец к привычной силосной яме. Никаких сочных пастбищ и заливных лугов в его в планах не зна-

чится. Тогда, конечно, и страдания нет. Вернее, оно есть у паствы, но не у пастыря. Он может быть привычно доволен сам собой и делает вид, что он законно и безвозвратно прописан в Небесном Царстве. Мы ему, к счастью, не судьи, но будет для всех нас и Страшный Суд.

Под словом «диалог» мы не боясь согрешить понимаем разговор двух. Пастырь и паства — это двое беседующих, из которых один — подлинно один (пастырь), а второй (паства) — многолик и многоочит, как Херувим. (Вот тебе и на! Вот и выговорилось то, что заранее не готовилось. Паства — это таинственный человек, состоящий из многих душ. Человек, молящийся Богу одними устами и одним сердцем, но при этом многоочитый, как одно из животных, окружающих небесный Престол! Вот так выходишь на проповедь и видишь пред собой одного многоочитого Херувима!)

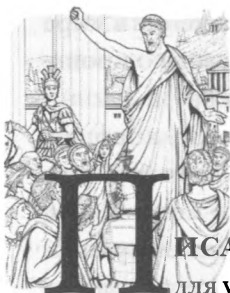
Но пастырь и паства в процессе общения — это не только две стороны устного диалога, но и две ручки большого котла, который кипит и внутри которого вывариваются великие идеи. Сердца слушающих и реагирующих на проповедь людей, многие сердца превращают живую проповедь в совместное творчество, в соборный труд, по окончании которого каждый радостно скажет: аминь.

Вывод из сказанного довольно прост. Проповедь нужно поместить в церковном сознании на одно из первых и главных мест. И дело не столько в привычной проповеди, которую иногда никуда уже не поставишь, а дело в том, чтобы появилось наконец служение слова. Прочитать, объяснить, доказать, обличить, подкрепить примерами, обосновать книгами обоих Заветов, утешить, укрепить, обрадовать...

Числу священных глаголов, окружающих понятие служения слова, нет конца, то бишь несть числа. И вся эта теоретическая роскошь стоит молча рядом в смиренном ожидании того дня и часа, когда мы начнем ее претворять в жизнь. Все вместе начнем, потому что проповедь — это не монолог, а диалог, и даже больше — котел, кипящий живыми идеями.

ПРОПОВЕДЬ О ПРОПОВЕДИ

ПИСАНИЕ привычно умножает слова для усиления смысла и словно возводит их для этого в квадрат. Есть небеса, а есть небеса небес. Есть смерть, а есть «смертью умрешь». Есть святое и есть Святое Святых. Есть еще «проклятием ты проклят», «умножая умножу» и многое другое. В мире бизнеса есть подобное удвоение. Есть не только продажи, но и «продажи продаж», так называемый франчайзинг. У нас назрела необходимость в **проповеди о проповеди**. Она должна быть направлена на самих проповедников, чтобы разбудить, взбодрить и научить.

В этом нет ничего странного. Есть ведь учителя, то есть те, кто учат детей и взрослых. Но есть и учителя учителей, то есть те, кто учит учителей.

Для студентов есть профессора. Для профессоров — академики. Есть лестница вверх по мере усложнения задач. Один режиссер снимает фильм для массы, другой — для некоторых режиссеров. Одним словом, это — стандартное явление в мире людей, поэтому и нам нужна проповедь о проповеди и проповедь для проповедников.

Проповеднику нужна, к примеру, хорошая память. Ее нужно тренировать. Когда-то были мастера-чтецы или декламаторы. Они могли перед аудиторией наизусть читать огромные отрывки из художественной прозы, и, поверьте, на выступлении такого мастера полет мухи слышно было. Почему бы и нам не тренировать память на лучших образцах хорошей литературы?

Еще есть ораторское искусство. Найти тему, развить ее и донести до слушателя — задача такого искусства. Этим надо заниматься. Знаменитый оратор Демосфен с камешками во рту и Цицерон, склоненный над речью в свете масляной лампы, — наши хорошие товарищи.

Гомилетика — наука о произнесении проповедей — у нас существует. Но существует по остаточному принципу, как культура — в Советском Союзе. Кое-что есть, ну и хватит этого. А в это время реклама назидает, сатирики и комики го-

ворят без отдыха (все упорно тренируются), политики «толкают» спичи, кинематограф и музыка тоже занимаются своеобразной проповедью. Можно ли молчать в это говорливое время? Наверяд ли. Но священники сомневаются в своих возможностях. Они не уверены, получится ли у них. Еще им совесть связывает язык (самый благочестивый и опасный враг проповедника). Еще они боятся осуждения коллег, зависти, неодобрения начальства. Поэтому многие служат так, как служил пророк Захария, отец Иоанна Предтечи, после зачатия сына, — молча. Открывают рот только для возгласов и объявления служб на следующую седмицу.

Или этой практике придет конец, или нам всем придет конец, что сказано не для красного словца, а по истине.

Речь — это всегда творчество, она открывает тайники и обнаруживает скрытое во мраке. (Вот почему коллеги могут осуждать и начальники могут быть недовольны сказанным.) Речь — это предоставление возможности Богу действовать здесь и сейчас. В бессловесном мире Бог действует грозами и бурями, потопами и землетрясениями. А в нравственном мире Бог меняет людей посредством слова.

Мы, священники, должны были бы часто собираться для того, чтобы поделиться опытом успехов и поражений, поделиться темами, поднятыми в приходах, ободрить и окрылить друг друга. Это так же естественно, как семинары врачей и собрания педагогических коллективов. Дело за малым — перевести желаемое в сферу действительного. Когда нужное слово сказано, то полдела уже сделано. Вот я сейчас пишу эти строки, и если их кто-то прочтет, то процесс не сможет не запуститься. Пусть меньше, чем нужно, и хуже, чем хочется, но он начнется. Таково свойство сказанного слова.

Апостолу Павлу неоднократно являлся Господь Иисус и велел не бояться и не умолкать. Апостолы Петр и Иоанн, после битья по слову архиерея, отказались молчать о Воскресшем Христе. Пророк Исаия велел не умолкать всем говорящим о Господе. Пророк Иезекииль, по слову Божию, даже сухим костям проповедовал, и это слово не было без плода. Пророк Иеремия хотел было, но не смог сдержаться и давал выход словам, горевшим в груди его, как огонь в хворосте. Всюду делу сопутствовало слово, дело рождалось словом и слово меняло жизнь.

Нужны группы для изучения Писания и святоотеческой письменности. Саму письменность эту

надо осознанно разделять на аскетическую, догматическую и нравственную. Эти области не стоит смешивать, чтобы знать, что и для чего читать, что и кому проповедовать. Группы ревнителей христианского образования нужны. Группы любителей Слова. Группы общения единомышленников. Все это нужно весьма и весьма, и если кто должен чувствовать в этом нужду, то священник — первый. Не всю же жизнь быть требоисполнителем и оплачивать «тихое и безмолвное житие» невежеством паствы.

Для стимула священник может пойти на репетицию любого театра. Сколько труда — и интеллектуального, и эмоционального, и физического — нужно затратить актеру, чтобы **что-то** сказать людям со сцены!

А еще можно пойти на тренировку спортсмена-олимпийца. Сколько ему, бедному, пота нужно пролить, сколько всякой ненормативной всячины от тренера выслушать, чтобы в конце концов с медалью на груди заплакать на пьедестале под звуки гимна! И так — во всем. Так можно ли нам, не для страны, а для Господа и не на сцене, а на амвоне трудясь, добиваться успехов без соответствующих затрат нравственных, умственных и физических? Вопрос риторический, и ответ

«можно» даже поросенок произнес бы, если бы разговаривать сумел.

Так давайте же засядем за книги и будем обмениваться ими. Давайте будем делать выписки из прочитанного и доверять бумаге яркие мысли, время от времени посещающие всех людей без исключения (!). Давайте разлепим рот, залепленный чем попало, только не страхом Божиим, и начнем говорить с людьми: до службы, в середине службы, после службы, за пределами службы. Со временем из всего этого могут родиться школы проповедников и катехизаторов, столь необходимые жаждущим душам.

Дары ведь имеют свойство умножаться, как только, принесенные нами, попадают в руки Христа. Не верите — прочтите еще раз об умножении хлебов. Сколько еды было и сколько людей наелись! Рыб так бы и осталось две, а хлебов — пять, если бы все это осталось лежать в сумке у апостолов или того мальчика, о котором в тексте упомянуто. Но принесли Христу и — накормили тысячи. Мы же часто вообще никого не кормим, потому что семинарские и академические знания храним, а людям не несем все то, что учили долгими годами. Вот оно и плесневеет, а не умножается.

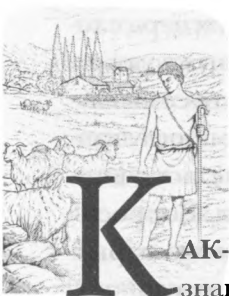
Простая арифметика. Сложите приблизительно в уме все часы лекций, прослушанных за три-четыре года обучения в семинарии. А если добавить сюда еще и часы в академии? Получится довольно внушительная цифра. А теперь сложите часы проповедей, произнесенных условно выбранным священником лет за пять-семь служения. Получится, что, в сравнении с прослушанным за годы учебы, произнесенные поучения в годы служения — это кот наплакал. Вопрос — зачем учился? Зачем таланты в землю зарыл и в оборот не пускаешь? Не страшно что ли?

Все ведь когда-то летали, все под ногами земли не чувствовали, духом пламенели, Господу служили. А потом незаметно мхом обросли, крылья сложили, лишний вес набрали, так что не взлетишь, стали усталыми скептиками и внешне успокоились. Если это — норма, то мы — не христиане. Нужно опять начинать летать. И полет этот должен быть мысленным и словесным. Потом — все остальное.

Это наше Святое Святых.

РЕВНОСТЬ

КАК-ТО незаметно проникла к нам в сознание и прочно укрепила там мысль, что проповедь Евангелия должна рождать одни сплошные сладкие плоды: умиление, умиротворение, слезные восторги и мягкую пушистость. Между тем апостол Павел спрашивает коринфян: *Чего вы хотите? с жезлом прийти к вам, или с любовью и духом кротости?* (1 Кор 4, 21). То есть жезл (палка, если угодно) предполагается. Иначе зачем и у епископа посох? Да и как может не предполагаться, если Сам Христос, будучи Пастырем добрым, не только сладко играет на проповеднической свирели, но и носит в руках жезл. Им Он пасет народы, защищает Своих овец и сокрушает некоторых врагов, как горшки глиняные, о чем говорят много и псалмы, и Откровение.

Трудно об этом слушать и читать современному человеку. Сладострастным он стал, и все Евангелие для него скукожилось только до одних сладеньких и далеких как сказка слов. А все перченое, все пресное и горькое, как те хлебы и травы, с которыми положено Израилю пасху есть, отдалилось от современника. Обнищал он внутри, снаружи обогатившись. Оттого трудно понять, что побочной целью проповеди апостола Павла могло быть, к примеру, желание возбудить в людях ревность. *Ревнуйте*, говорит, *дарований больших* (1 Кор 12, 31), — и зовет верных к подвигам любви, которые выше мученичества и говорения на языках. Или еще: *Как Апостол язычников, я прославляю служение мое. Не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти и не спасу ли некоторых из них?* (Рим 11, 13–14). Речь не о том, что мы ассоциируем с «ревностью» в делах амурных, в вопросах семейной верности и пр. Речь о другом. Сам Бог есть Бог Ревнитель. *Или вы думаете, что напрасно говорит Писание: «до ревности любит дух, живущий в нас»?* (Иак 4, 5).

И вот апостол Павел проповедует, чтобы возревновали люди подобно пророку Илии. Он словно говорит о том, что вот ты был поставлен высоко и позван еще выше, но пренебрег

призванием, поленился, расслабился. А поскольку святое место не бывает пустым, иные заняли место твое, иные, следовательно, и награду твою получают. Представляешь, какой позор — потерять первородство, как когда-то Исав! Быть позванным — и не пойти. Но пойти и вернуться с полдороги — еще хуже.

Для апостола Павла это один из источников непрекращающейся боли. *Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян...* (Рим 9, 1–4). В этой печали, в мучении сердца и согласии быть отлученным от Христа ради братьев апостол Павел подобен пророку Моисею, который соглашался погибнуть сам, лишь бы народ сохранился и не был уничтожен за отступление. И почему апостол Павел мучается? Потому что сердце его разрывается от контраста между тем, кем должны быть иудеи, и тем, кем они на самом деле являются. И далее он пишет: *им ...принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь* (Рим 9, 4–5). И вот

для того, чтобы возбудить в сродниках ревность, разжечь в них желание устремиться ко Христу, он неумолимо проповедует язычникам.

Представьте себе, что некий греческий проповедник, видя (Бог да не допустит) полное духовное обнищание своего собственного народа, уходит в бедные африканские деревни и там благовествует, крестит, служит литургию, изменяет нравы. В таком случае он имел право сказать сродникам: «Греки! Как низко вы пали! На вашем и моем языке написано Евангелие, на наших землях проповедовали апостолы, от нас вышли самые известные и великие отцы Церкви, богослужение во всей красоте своей сформировалось у нас. Мощи лежат в храмах, иконы с грустью смотрят на вас. Богословие прежде текло у нас реками, а теперь едва сочится малым ручьем! Что же это? Видя вас полумертвыми, не желающими воскреснуть через покаяние, я проповедую далеким народам и чужим людям. Не только для того, чтобы они спаслись (это необходимо и обязательно), но и для того, чтобы вы проснулись. Не стыдно ли вам? Другие получают ваши венцы. Возревнуйте о прежней славе и исправьтесь!» Возможно, так обращался и апостол Павел к евреям, не желая видеть, как первые становятся последними.

Точно так же потом он говорил и новорожденным в Духе христианам: *Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить* (1 Кор 9, 24). Не спите, бегите. Даже со спортсменов берите пример (ристалища — аналог легкоатлетического стадиона). Те потеют, изнуряются ради суетной похвалы, а вы как войдете в Небесное Царство с ленью и без борьбы? Невыносимо ведь будет потом, когда вы, гордившиеся заслугами предков или иной благодарью, явленной в веках, увидите себя обойденными или даже изгоняемыми вон. Таков смысл. В том же духе говорил и Христос, удивившись вере капернаумского сотника: *Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов* (Мф 8, 11–12).

Русских это касается или одних только евреев и греков? Касается. Нам тоже должен резать глаз контраст между тем, к чему мы призваны, и тем, как мы живем. К нам напрямую относятся многие слова Откровения. Например: *Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься*

(Откр 2, 5). Помни А.В.Суворова и сам закаляйся. Чти прп. Сергия Радонежского и не ленись упражняться в пениях, бдениях и пощениях тоже. Удивляйся мудрости святителей, но сам приобретать мудрость чтением и размышлением не отказывайся. Гляди, корейцы читают Евангелие и африканцы поют псалмы, вон в той части света усыновляют брошенных детей, а в другой — отказываются от мяса. А ну как эти аскеты, человеколюбцы и молитвенники далеко нас всех обгонят — со стыда не сторим ли, в хвосте оказавшись? Ты наследник великих предков, но если сам не пополнил общую копилку, а только брал из нее и хвалился чужой славой, то что тебя ждет на Суде? Посмотри, какие огромные просторы обжили и освоили прежние поколения, какие храмы построили, какие книги написали, каких врагов разбили наголову! Посмотри на глаза крестьян на старых фотографиях! Ведь сегодня не на каждом профессорском лице столько же спокойного ума и подлинного благородства. Теперь посмотрим на нас сегодняшних. Сил не хватает не то что развивать созданное прежде и осваивать новое, но даже удерживать то, что есть.

Почему? От духа расслабленности, проникшего в плоть и кость. Нужно проснуться и потрудиться.

Теплым быть нельзя. Теплый противен, как растаившее мороженое. Нужно быть крутым кипятком, чтобы чай заварить, либо до ломоты холодным, чтобы освежиться и взбодриться. Об этом тоже Откровение говорит: *знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих* (Откр 3, 15–16). Коммунист был холодным к Богу, но холодный, говорит Господь, лучше теплого, потому-то в те годы и в космос полетели, и БАМ построили, и фашисту хребет сломали. Теплый того не сдюжит.

Людей нужно бодрить, а не убаюкивать. Это апостольский дух — *Не возбужу ли ревность?..* (Рим 11, 13). Людям, конечно, часто хочется, чтобы чесали их, как котенка, за ушком. И это всем понятно, так как все мы «одним миром мазаны». Каждый на суде совести скажет: и я такой. Но у Бога иные суды, иные мысли и намерения. Он говорит: *Посему Я поражал через пророков и бил их словами уст Моих...* (Ос 6, 5). Вот как — Он бьет и поражает, а мы, даже слыша такие слова о Боге, весьма удивляемся.

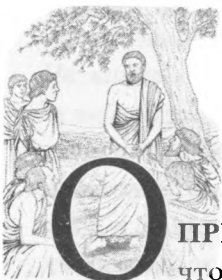
Не удивляйтесь. Лучше проснитесь и возревнуйте о Господе Вседержителе и славе Его, поищите прежде Царства Божия и правды его. Бой-

Ревность

тесь тех, кто льстит и ласкательствует, а к предупреждающему звуку трубы прислушайтесь. Главное ведь, чтобы никто не похитил венцов наших. И для этого нужны бодрость духовная и духовная ревность — истинные плоды настоящей проповеди Евангелия.

СЛУШАТЕЛИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ СЛОВ

ОПРП. СИМЕОНЕ Столпнике сказано, что он услышал на службе в храме заповеди блаженства. Они запали ему в душу, и Симеон, тогда еще мальчик, захотел познать их смысл. Нашелся пожилой человек, объяснивший будущему подвижнику слова Господни о духовной нищете, о кротости, о милости, о чистоте сердца. Вскоре Симеон бежал тайком из дома в поисках жизни трудной и непостижимой, ведущей человека от земли на небо.

О прп. Антонии Великом сказано, что однажды в храме, еще в молодости, услышал он призыв Христа, обращенный к богатому юноше: *...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною* (Мф 19, 21).

Эти слова прп. Антоний почувствовал как обращенные к нему лично и, хотя не обладал большим имением, вскоре отказался от всего и начал упражняться в молитвах непрестанных и посте строжайшем.

Говоря об этом, думается мне нечто очень простое и вместе с тем таинственное. Люди, представляющие собой великое сокровище Церкви; люди, являющиеся яркими звездами церковными, начинали свой великий труд ради Господа Иисуса Христа с того, что в один прекрасный день евангельское Слово вонзалось в их сердце, как сладкий шип. Сердце *уязвлялось* любовью к Богу и стремлением к иной жизни, как говорится в молитвах: «Сердце мое в любовь твою уязви». Эта сладкая рана, по сравнению с которой уязвление земной любовью похоже на укус комара, вела их по жизни долгие годы, и влекла на бóльшие труды, и заставляла забывать то, что было, стремясь к тому, что будет. **Все это начиналось и впервые происходило на богослужении в храме.**

Так вот в чем вопрос.

Мы ведь то же самое Евангелие слышим и читаем. Почему оно не творит в нас такого переворота в мыслях? Почему не влечет любовными

узами к жизни лучшей и чистейшей? Почему не воспламеняет сердца в ту же меру, что и у лучших сынов Церкви?

Почему? Почему? Почему?

Может, мы по-другому читаем Евангелие? Не как книгу жизни, а лишь как одну из книг, необходимых при богослужении?

Может, мы не так слушаем Евангелие? Не как голос Пастыря, зовущего Своих овец, а как что-то другое, уж и не знаю что? Может, слышим просто протодиаконский рык или шепот старенького протоиерея?

Может, мы не способны чувствовать великую силу Благовествования, и если да, то почему?

Вопрос даже не в том, почему после прочтения Евангелия вот уже несколько столетий подряд никто не уходит из наших храмов в места пустынные ради отшельничества или столпничества. Возьмем планку ниже. Вопрос в том, почему далеко не каждый человек, выходящий из храма, способен четко ответить на вопрос, что читалось сегодня в храме из Слова Божия.

Не удерживаем мы в памяти живые слова, не фиксируем, не объясняем и не разжевываем. А то, что проглочено цельным куском, по необходимости плохо усваивается.

Некоторые тексты мы поем, например те же самые заповеди блаженства, услышав которые изменил свою жизнь прп. Симеон Столпник. И поскольку поем, то к словам примешивается мелодия, становящаяся быть соперницей слову по красоте и запоминаемости.

Со своим служебным отношением к слову церковная музыка давно распрощалась. Она стала яркой, эффектной, многоголосой, временами — крикливой и страстной. Своими полуоперными раскатами она то и дело мешает понять, почувствовать и запомнить, что же, собственно, поется. Вещи смысловые и сущностные спрятались за стеной красоты.

Церковный обряд, созданный для того, чтобы облегчить понимание Евангелия, при неправильном к нему нашем отношении способен усложнить понимание Евангелия.

Дайте человеку, как говорил один из персонажей Н.С.Лескова, «до Христа дочитаться», и вы сделаете его прежний образ жизни — теплохладный и вялотекущий — невозможным. Может даже случиться нечто, сказанное об Алеше в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы». «Алеше казалось даже странным и невозможным жить по-прежнему. Сказано: “Раздай все и иди

за Мной, если хочешь быть совершен». Алеша и сказал себе: «Не могу я отдать вместо "всего" два рубля, а вместо "иди за Мной" ходить лишь к обедне»».

Ввысь повлечет человека евангельский голос Господа Бога. И это «ввысь» будет означать также и «вглубь». Тот же прп. Симеон Столпник слышал голос, повелевающий: «Глубже копай». Именно копая вглубь себя он взошел на столп и провел на нем тридцать семь лет.

И опять-таки дело не в том, чтобы все люди восходили на столпы или массово оставляли работу и семьи, устремляясь в места дикие и пустынные. Миллионам наших крещеных соотечественников надо сначала научиться «отдавать два рубля и ходить к обедне», что представляет из себя подвиг подлинный и для многих весьма трудный.

Но нужно также, чтобы раз за разом, время от времени в каждом поколении находился в народе человек, которого пронзит на службе «глагол, проповеданный с силою многою», и для которого с этого момента начнется новая жизнь, зовущая к почести небесного звания.

Христианский народ бесплоден, если в нем не рождаются, не являются святые. Без подлинных носителей Духа христианский народ — это соль,

потерявшая соленость. Если же Божии избранники рождаются и исходят на труды, то моментом «зачатия» нового избранника чаще всего является слышание Христовых слов за богослужением.

Оно вечно новое — Евангелие. Его нужно слушать таким свежим и девственным ухом, словно ты всякий раз делаешь это впервые. В сущности это — великий подарок. Потому и говорится: «И о сподобитися нам слышанию святаго Евангелия Господа Бога молим».

Слышанное много раз приходит вновь, как не слышанное ни разу.

Свт. Лука (Войно-Ясенецкий), исповедник, архиепископ Симферопольский, в автобиографической книге «Я полюбил страдание» свидетельствует о себе следующее. В один из тяжелейших периодов своей жизни, когда он дерзнул оставить служение пастырское и занимался только служением врачебным, знакомый наизусть евангельский текст заставил его трепетать как осиновый лист. Это был текст о явлении Воскресшего Христа ученикам на озере Тивериадском и о разговоре с Петром: *Симон Ионин! любишь ли ты Меня?* (Ин 21, 16) — трижды спрашивал Господь, а свт. Лука, стоявший за службой, содрогался от страха, чувствуя, что вопрос задается именно ему.

Он слышал эти слова и читал их сам несметное число раз. Однако наступил день, когда эти слова были не простым пересказом разговора Господа с Петром, а словами, бьющими в самую болезненную точку его собственного сердца. Любишь ли Меня?.. паси овец Моих (см.: Ин 21, 17).

Подобное должно происходить и происходит в нужное время со всяким богомольцем, внимательным к Слову Божию и к своему сердцу.

Любишь ли Меня? (Ин 21, 17); ...*маловерный, зачем ты усомнился?* (Мф 14, 31); ...*сегодня надобно Мне быть у тебя в доме* (Лк 19, 5); ...*пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета...* (Мф 26, 27–28) — эти и многие другие Слова нужно пережить как обращенные ко мне лично.

И пусть святость, подобная святости Симеона Столпника или Антония Великого, не родится от моего слышания Господних слов. Но любовь, и слезы, и сердечный трепет, а вместе с ними и перемена жизни, пусть малая и незаметная, не родиться не смогут. И так, как капли постепенно наполняют чашу, наберется со временем и у меня от этих малых встреч с Господом живая влага, достаточная, чтобы утолить жажду.

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОТЕСТАНТ

СОВРЕМЕННЫЙ протестант «из наших» иногда не так уж и далек от Православия. В первые два-три года очень далек. Все в Православии для него — либо фольклор, либо язычество. Но жизнь берет свое...

Родная община, научившая верить, уже не кажется такой идеальной, как вначале. Становятся заметными недостатки братьев и сестер; личные грехи, несмотря на уверенность в спасенности, выйдя в дверь, заходят в окна. Взамен «чистой евангельской веры» и простоты все чаще о себе заявляют доктринальные разногласия. Человек успокаивается, то есть прощается с прежней горячностью. Становится понятным то, о чем постоянно твердит Церковь. А именно — что спасение требует трудов, что жизнь проходит между

страхом и надеждой, что *Царствие Небесное силою берется* (Мф 11, 12). В подсознании крепнет голос генетической памяти.

Большинство протестантов у нас ведь люди крещенные. Можно отрицать пользу крещения в детстве, можно считать себя гражданином вселенной и стопроцентным сыном грядущего царства. Но крещение действует, благодать живет и требует воцерковления. Некоторые из наших протестантов кажутся полумонахами или старообрядцами для своих иностранных братьев: и женщины у них на службе в платках, и под гитару молиться не любят, и молятся долго, к тому же стоя. Думайте что хотите, но часто — это истинно крещенные в детстве люди, и вести себя они стремятся в соответствии с просвещенной совестью.

Их сердце разгоняет по венам вместе с кровью генетическую память. Это память о Православии.

«Как вы молитесь? — спросил я у одного протестантского проповедника. — У вас есть оформленный чин или вы всякий раз руководствуетесь эмоциями?» — «Конечно, есть чин, — умно и грустно ответил собеседник. — На эмоциях и духовном подъеме долгую работу не построишь». Затем он рассказал, что начинают они с пения псалмов, потом просят о различных нуждах, проповеду-

ют. Заканчивают молитву общим чтением молитвы «Отче наш». Я заметил, что если не брать во внимание анафору, эпиклезу, то есть сердцевину Евхаристии, то по структуре очень похоже на литургию Златоуста. Он согласился. «Генетическая память?» — спросил я. «Возможно», — прозвучал ответ.

Через какое-то время, может через считанные годы, наши приходы пополнятся вернувшимися в Православие братьями и сестрами, прошедшими в протестантстве школу катехизации. Это будет истинное торжество Православия, но нам нужно к этому подготовиться. Во-первых, они — люди книги. Им нужно читать и объяснять Писание не пять минут в неделю, а гораздо больше. Большинство из них только потому и наполняют арендованные концертные залы, что в родных церквях под куполом, на котором возвышается крест, они проповедей не слышали. Честно скажем, не очень-то и искали. Но если бы поискали, то, снова честно скажем, вернулись бы в арендованные залы. Нам нужно проповедовать, причем качественно и постоянно. Вера отцов, вера, «однажды переданная святым», в нашем случае часто похожа на сундук с сокровищами. Сокровища реальны, но мы сами нечасто в сундук заглядываем.

От привычной брезгливости к протестантам следует перейти к радостному и дерзновенному благовестию. Вы чтите субботу? А знаете ли вы, что и мы субботу чтим? Не по-еврейски бездействием, но неременной молитвой в храме. Мы помним, что это — седьмой и благословенный день. Только чтим его менее воскресенья, поскольку суббота — день благодарной памяти о творении мира и благословении, а воскресенье — благодарность Богу за искупление. Искупление требует бóльшей любви, чем творение.

Вы чтите имя Господа, открытое пророку Моисею при купине? А вы знаете, что мы на каждой службе со страхом его произносим? Мы благословляем Сущего, то есть Яхве, говоря по-славянски: «Сый благословен Христос Бог наш». Ведь Сын во всем равен Отцу. Он тоже — Яхве, как Отец и Дух. По-гречески это имя мы пишем на иконах Спасителя. Это имя произносится в Таинстве крещения.

Если угодно, то мы — пятидесятники в правильном смысле этого слова. В Пятидесятницу родилась наша Церковь, и все, что совершается в ней, совершается действием Господа Святого Духа. Если хотите знать, то мы не меньше квакеров учимся трепетать перед Богом в молчании. Многие из нас не менее некоторых самых активных ме-

тодистов всю жизнь изучают Писание. Все, на чем отдельные группы и секты пытаются построить свое общинное или индивидуальное бытие, у нас есть. Причем оно не вчера появилось. Все это у нас есть от начала и существует в истинном смысле, стоит только поискать. Ну а что до грехов и слабостей — то у кого их нет? Разница лишь в том, что наши грехи на виду, и мы, вслед за апостолом Павлом, не боимся признавать немощи, «да вселился в нас сила Христова».

Это дерзновенная цель, но она реальна. Следует вернуться к серьезному погружению в догматику. Всем известно, что протестантов, словно красные флажки, раздражают иконы. Мы пытаемся объяснять им догмат Седьмого Вселенского Собора, но, кажется, говорим на разных языках. А дело в том, что начинать надо с Собора Первого. Сначала стоит говорить о Божестве Иисуса, о Его природном равенстве Отцу. Потом, если понимание достигнуто, следует говорить о Соборе Втором, затем Третьем. Божество Святого Духа, равенство Ипостасей, различие между личностью и природой будут нашими темами. Сложности, возможно, начнутся с Собора Четвертого, иногда раньше. Соотношение природы и воли, вопрос о Деве Марии — Кого Она родила и как

Ее правильно называть? Тут расхождения станут очевидными. Это значит, что вопрос иконопочитания, вопрос, поднятый и решенный на Соборе Седьмом, невозможно решить перескакивая через несколько столетий напряженной догматической мысли.

Христос — Бог воплотившийся, Бог, ставший видимым. В силу воплощения к Нему не относятся слова Ветхого Завета, подчеркивающего запрет на изображения тем, что «только голос вы слышали, а образа никакого не видели». Христос — не «бог чужой», чьи образы соблазняли Израиль. Он — Бог Истинный, Чья Личность при земной жизни была доступна зрению и осязанию, а ныне доступна иконному письму. Но чтобы к этому прийти, нужно многое пройденное оставить за собой. Нужен упорный труд, вначале по образованию собственному, затем — по непростому общению с братьями, лишенными общения с Церковью. Это труд титанический, силам людей не подвластный, труд, требующий благодати. Бог благодать даст, даст много, «с избытком» и доброжелательно. Нужен лишь наш труд. В этом все дело.

Нужно видеть глаза людей, не расстающихся с Библией, когда они впервые слышат об отцах Египта! Кто любил Писание больше отцов? Мно-

гие из них носили в памяти всю (!) Псалтирь, помнили дословно бóльшую часть текста Евангелий, полностью послания апостола Павла. Вы думаете, что любите и знаете святые книги? Я расскажу вам об Арсении Великом и об Антонии Великом. Нужно видеть глаза людей, привыкших получать духовную пищу в виде тоненьких брошюр с глянцевой обложкой, когда авва Аммон и авва Макарий впервые предстают перед их мысленным взором.

«Но где эти люди сегодня? — спросят у нас рано или поздно. — Не является ли большинство православных прихожан людьми простыми и от глубин далекими?» — «Не смущайтесь», — будет ответ. В те времена, когда пустыни заселились людьми, знавшими каждую букву в Моисеевых книгах, рядом с ними жили люди, не знавшие ничего, кроме имени Спасителя. «Я ничего не запоминаю и ничего не понимаю», — жаловался молодой монах наставнику. «А как зовут Спасителя?» — спрашивал старец. «Иисус Христос», — отвечал молодой монах. «Возрадуйся, чадо. Ты знаешь самое главное». Так и в нашей жизни. Есть немногие, знающие много, но рядом с ними в той же благодати, а часто и в бóльшей, пребывают многие, знающие чуть-чуть, но самое главное.

Я совершенно серьезно утверждаю и не на шутку уверен в том, что очень скоро наши храмы наполнятся теми, кто сегодня относит себя к протестантам. Их не отпугнут ни ворчливые бабушки, ни дисциплинарная строгость, ни непривычный язык.

Они, напившись текстами, возжаждут благодати, которая породила тексты. Любители Писания узнают в Церкви смиренную мать Писания и придут покаяться в том, что долго этого не замечали. Из людей слова они станут людьми чаши. Вернее, они станут людьми слова, которое поется, читается и благовествуется над чашей.

Лишь бы только мы были к этому готовы.

ТРУБУ К УСТАМ ТВОИМ...

ВСЕ священники должны упражняться в составлении и произнесении проповедей. Здесь стоит сказать «аминь» и властным жестом запретить возражать всем, у кого нашлись бы возражения. Возражения не имеют права на существование. Поэтому возвращаемся к пункту номер 1.

Все священники должны упражняться в составлении и произнесении проповедей.

Труд этот разнообразен. Например, нужно постоянно читать проповеди великих святителей: Григория Богослова, Василия Великого, Филарета (Дроздова), Иннокентия Московского, Игнатия (Брянчанинова) и т.д. Из прочитанного нужно делать выписки и самые любившиеся места заучивать наизусть, как стихотворение

в школе. Так мысль оттачивается, так возникает пища для сердечного размышления.

Но если ограничиться только этим занятием (каковым занимается до крайности мало людей из нашего брата), то возникает соблазн превращать беседы, лекции и диалоги в бой на дубинах. Дубинами в данном случае будут служить цитаты из полюбившихся отцов. Тот так сказал! — хрясь! А вот этот так сказал! — хрясь!

Это печальное зрелище. К тому же — бесплодное. И нужно, кроме уже сказанного и написанного кем-то, пусть даже и великим, подбирать свои слова для собственных наболевших чувств. Не может же у человека в сани ничего не болеть в душе, если он не чурбан, не слепец и не сумасшедший!

Все, что болит и о чем думается, нужно записывать. Запишите эту мысль и не бойтесь тавтологии. Запишите: все, о чем думается, нужно записывать.

«Кто пишет, тот два раза читает», — говорили римляне. И Цицерон (тоже из тех краев человек) говорил: «Писать нужно для того, чтоб потом говорить как по писаному. Не тык-пык, а как птица поет».

Да сколько же можно жить в одном обряде без живого слова? Сколько можно терять паству

и отправлять ее в протестантский темный лес по причине нашего привычного бессловесия?

Но это я так — увлекся. Не гневайтесь. Вернемся к теме.

Нужно болеть душой, читать, писать и думать. Люди-проповедники бывают двух ярко выраженных типов. Одни говорят и потом записывают сказанное. Другие пишут и затем говорят.

Вторые — из благословенного разряда обычных. Им нужно составить план, подобрать цитаты, найти концовку красивую и сочную и потом, оформив все в виде конспекта или плотного текста, выучить. Это правильный путь для абсолютного большинства. Причем подчеркнем вопрос с концовкой. Горе и беда, стыд и мука, когда человек начал, а закончить не может. Кружит вокруг да около, мучает слушателей, заходит на посадку и опять взмывает вверх, как «некая птица, что в силах взлететь, но не в силах спуститься». Поэтому — концовку нужно обдумывать заранее и особенно тщательно. Вообще нужно натягивать проповедь, как струну, — с двух концов. И проговаривать ее нужно про себя. И несколько раз пройти умом по уже готовому и обдуманному плану. Это — колоссальный труд, и наша всеобщая лень к делу проповеди есть

не что иное, как бегство бездарности от священного труда в дебри требоисполнения. Стыд сплошной, а не Православие.

Но это я опять увлекся.

В зависимости от места произнесения наши словесные труды могут быть «проповедью», «словом» и «беседой».

Проповедь должна быть о Писании, и лучше, если сразу после прочтения Писания. Нужно раскрыть тему, воодушевить на продолжение молитвы и избежать длиннот.

«Слово» же бывает на всякий случай: на посещение приюта, на освящение дома, на выпускной вечер и т.п. Оно горячее и емкое. Оно похоже на экспромт, но Боже сохрани «молоть» экспромты. Все экспромты должны быть продуманы, отложены в памяти и непринужденно произнесены на подъеме соответственно моменту.

А беседа уже может быть длинной, после службы, во внеслужебное время. И здесь нужно хорошо владеть темой, предметом разговора. Это чтобы раскрыть тему со всех сторон и не дать разговору расползтись, расплыться по разным ответвлениям. Здесь, кроме знаний и подготовки, нужно и ораторское искусство, и умение управлять аудиторией, удерживать ее внимание.

Всему этому нужно учиться, и лучше — на практике. И вот, когда практика отшлифует теорию, а душа изрядно устанет от проповеднической пахоты, придет вторая пора. Это когда сначала говорят, а потом записывают.

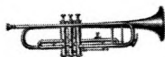
Схема такова. Человек (священник) думает над темой в одиночестве. Думает и молится, подыскивает цитаты, выбирает выражения, обороты и пр. Потом он идет в собрание верующих в назначенное время и после молитвы говорит слово. В процессе ее произнесения, благовествования, он слышит и ощущает, что́ Господь открывает ему самому и через него — всем, некие истины, которые он не продумывал и не готовил заранее. Эти истины выплывают из темноты и начинают сиять как звезды. Это великие моменты! Проповедник ощущает помазание на слове своем и приобщается в малую меру к пророческому дарованию. Следовательно, потом ему предстоит записать свои мысли и слова, чтобы опыт не растворился в воздухе, чтобы он остался как некий фонд, как зернохранилище для будущих поколений.

У нас меньше времени, чем кажется. Духовная лень, приправленная самодовольством, есть подлинное проклятие. И если горы обрушатся на наши головы, давайте не будем искать виновных.

Проповедь, проповедь в духе и силе — это задача. Мы замолчим — камни завопят.

Но говорить нужно не как придется и что припомнится или приснится. Нужно готовиться. Готовиться — значит молиться, думать, писать и читать. А еще: делиться прочитанным, тревожиться, ужасаться, но не отчаиваться. Упавши, вставать и дальше идти, на ходу перевязывая раны.

Сегодня этим нужно заняться, сегодня. И отговорки не принимаются. Их просто нет, если мы — ученики Христа Воскресшего.

СОДЕРЖАНИЕ

Арифметика	3
Быть священнику в школе	8
Кому нужна и нужна ли проповедь?	15
Кто внушил нам молчать о самом главном?	21
Не занимай взлетную полосу!	27
Николай и духи страны восходящего солнца	33
Нужно, можно, не стоит... ..	40
Парижская богословская школа	46
Проповедь важнее воздуха	56
Проповедовать — всем?	62
Проповедь — диалог со многими	70
Проповедь о проповеди	75
Ревность	82
Слушатели евангельских слов	90
Современный протестант	97
Трубу к устам твоим... ..	105

Протоиерей Андрей Ткачев

Проповедь о проповеди

Художник *Т. М. Григоренко*

Редактор *Т. В. Бояркина*

Корректоры *Л. Н. Иконникова,*

О. В. Грецова

Верстка *И. Р. Цуп*

Технолог *М. Ю. Мышкин*

*В книге использованы материалы
фотобанка 123RF/РусМедиа*

Подписано в печать 09.02.2015 г.

Формат 70х100/32. Объем 3,5 п.л. Печать офсет.

Бумага офс. № 1. Тираж 5000 экз. Заказ № 1501340

Адрес издательства Сретенского монастыря:

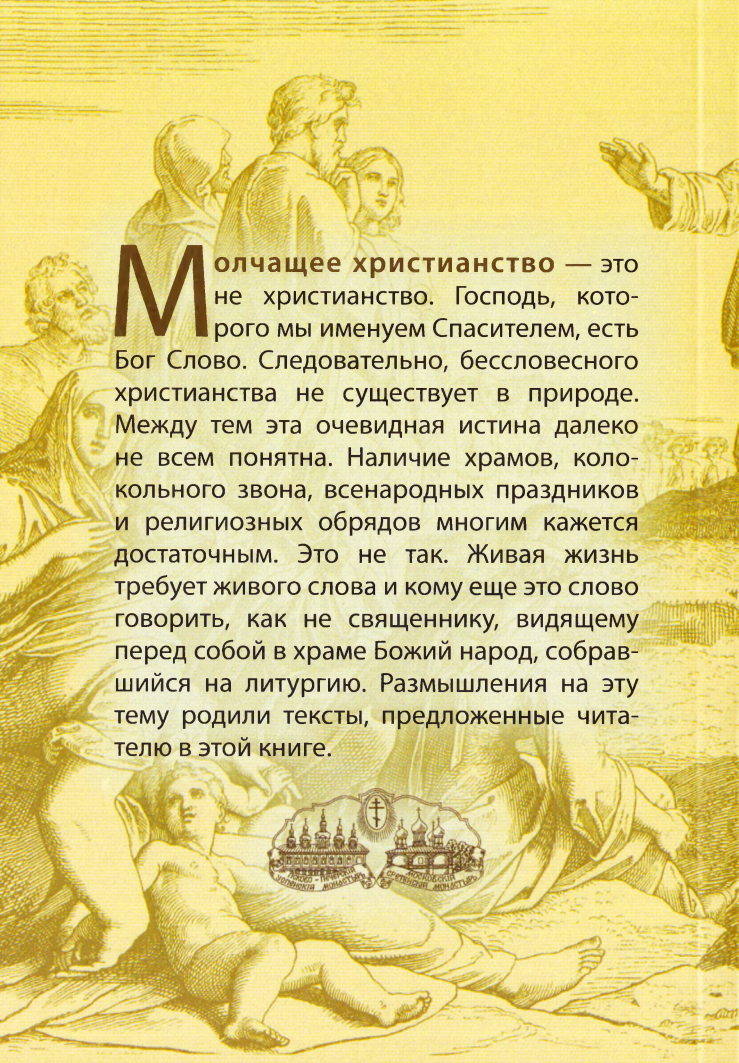
103031 г. Москва, ул. Б. Лубянка, 19

Отпечатано в полном соответствии с качеством
оригинал-макета издательства Сретенского монастыря
в ОАО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Интернет-магазин: www.sretenie.com

Книжная торговля Сретенского монастыря (495) 628-82-10

Магазин «Сретение» (495) 623-80-46

Молчащее христианство — это не христианство. Господь, которого мы именуем Спасителем, есть Бог Слово. Следовательно, бессловесного христианства не существует в природе. Между тем эта очевидная истина далеко не всем понятна. Наличие храмов, колокольного звона, всенародных праздников и религиозных обрядов многим кажется достаточным. Это не так. Живая жизнь требует живого слова и кому еще это слово говорить, как не священнику, видящему перед собой в храме Божий народ, собравшийся на литургию. Размышления на эту тему родили тексты, предложенные читателю в этой книге.

